

"Шесть веков счастья"

Действующие лица:

- КЛЕОПАТРА - царица Египта;
журналистка с телевидения России.
- ХАРМИОНА - первая служанка царицы;
близкая подруга Клеопатры.
- ИРА - вторая служанка царицы;
старшая подруга Клеопатры.
- ЦЕЗАРЬ - тень Гая Юлия Цезаря, пожизненного римского диктатора с 44 г.до н.э., великого полководца;
муж Иры, 45-летний инженер-электронщик.
- РУФИО - командующий римскими легионами, друг Антония;
архитектор из Югославии, работающий в Сибири.
- АНТОНИЙ - римский полководец и триумвир, ученик Цезаря;
корреспондент центральной газеты

Время и место действия - 47-30 гг.до н.э. в разных частях Римской империи, включая Александрию Египетскую; а также наши дни - Москва, кухня и окрестности трехкомнатной квартиры рядом со станцией метро "Университет".

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена изображает египетскую гробницу. Несколько скульптур богов и фараонов. В дальнем углу в красноватом неверном свете видна снятая с колес римская военная повозка. На ней на щитах лежит тело полководца Марка Антония, целиком накрытое пурпурным плащом. На переднем плане на троне - Клеопатра, на ней царское золотое облачение, на голове – двойная корона фараонов. Хармиона, ее служанка на коленях перед тронном собирает рассыпанные винные ягоды. Клеопатра с криком отбрасывает от себя змею.

КЛЕОПАТРА: Ну наконец-то, свершилось.
Змейка пуглива, смотри-ка...
Боги, мне страшно.

ХАРМИОНА: Ты умираешь царицей, гордой, прекрасной, великой.
Но одинока на троне, в рубище власти безликой
Ты не была...

Через годы - взглядом, улыбкой, кокетством
Славу страны и свободы ты пронесла, сохранила.
Бойся, царица Египта, только любви беспредельной.
Ты умираешь, как песня, в звуках разбитой гитары,
В горле убитого барда, но умираешь счастливой.
Как ты любима, царица, тем, кого любишь...
Это ль не чудо, не сказка, это ль не дар Олимпийцев ?

КЛЕОПАТРА: Славься, безудержный Ветер,
Славься, безбрежное Море...
Силу пространства Венера нам подарила навеки.
Будет ли встреча нежданной, будет ли бес с нами спорить...

ХАРМИОНА: Вечно тебе, Клеопатра,
Предан твой гордый Антоний.

КЛЕОПАТРА:
Чем мы платили за вечность нашей любви, что в ладони
Мир и войну умещала...Нет, в суматохе вселенной
Нам суждено повстречаться.
Ждать будем встречи недолго - пару десятков столетий.

ХАРМИОНА:
Как ты любила, царица !
Гордый венец фараонов часто теряя у ложа,
Слезы любви, как алмазы ты рассыпала на небо.
Не было в мире счастливей, не было в мире прекрасней
Глаз твоих, где отражался взгляд повелителя мира.
Ты не смирилась, царица, смерть его встретив в гробнице.
Ты не украсишь собою путь самозванца, который
Римский триумф нашим горем черни своей на потеху
Хочет вершить, нечестивец. Я умираю, царица !
Буду служить тебе вечно. Не забывай...

Хармиона без сил опускается на пол. Клеопатра с тяжелым вздохом целует склоненную голову мертвой подруги.

КЛЕОПАТРА:
Жизнь как мне стала постыла ! Я убегая вдогонку.
Нильскою змейкой убита, чувствуя сладость отравы,
Только одно прошепчу я: Я ухожу к тебе, милый !
Где-то за скифскою степью снова воскресну свободной -
Время слепцов и героев станет мне новой судьбою.
Станет венец мой невидим, царствовать стану незримо,
Прелестью стана и взгляда души себе покоряя.
Знаю, мой путь повторится. Где-то в неммыслимых далях,
Там тебя снова я встречу, там тебя снова узнаю.
Там поцелуем забвенья ты мои раны остудишь.

Но, мой Антоний, ты будешь, там, как и здесь несвободен.
Только Октавию в Риме как и сейчас ты забудешь.
Слава, законы, свобода - все поплывет пред тобою
Словно кусок паутины, лишь на меня ты посмотришь...
Я же любить тебя буду так, как любила в Египте.
В бездне предутренней грезы я появлюсь к тебе снова.
В чаще усталого леса угли костра я раздую.
Нет, я тебя не ревную.
Цели вершителей судеб, планы властителей Рима -
Браки цепям их подобны, свадьбы их точно поминки.
Только любовь может править нашими душами вечно.
Только ко мне ты в Египет рвался из душного Рима.
Только в объятьях царицы знал беспредельное счастье.
Нет, не жрецы нас венчали. Не Гименей нами правил.
Но мы любили друг друга. Долг соблюдал ты свой честно
В скуке с законной женою. Я же, пожертвовав трон
Здесь вот сейчас умираю, чтоб не отдать нечестивцу
Голову славного Марка. Может быть, только легенда,
Может быть, вымысел странный,
Что торжествуют над смертью
Наши сердца в звездном небе?

Клеопатра под действием яда говорит все тише и тише, ее последние слова едва слышны. Вдруг из угла, где лежит тело Марка Антония, раздается голос. Клеопатра, опираясь на трон, медленно приподнимается. От пурпурного савана встает фигура, за спиной которой загорается алый прожектор. Виден только контур. Это римский полководец Марк Антоний.

АНТОНИЙ:

Царица ! Наша любовь не легенда.
Вечность нам снова подарит встречу на звездном просторе.
Там твоя воля свершится. В мире воскреснем мы оба.
Знай же теперь, Клеопатра.
Смерть разлучит нас на время, только любовь неподвластна
Тлену, беде и забвенью. Снова мы в страсти утонем,
Снова единственным в мире я назову тебя милой.
Ну а меня ты узнаешь – тоже, наверное. Вспомнив.

Прожектор гаснет. Вместе с ним исчезает и тень Марка Антония. Клеопатра медленно опускается на трон. В последний раз, словно ища кого-то, обводит глазами публику. Видит. Застывает с улыбкой на губах. Она мертва. Свет на сцене медленно гаснет. Звучит музыка. Пауза. Свет на сцене вспыхивает снова. Кухня современной городской квартиры. За накрытым столом (бутылки с выпивкой и закуской) сидят две женщины - Ира и Хармиона. Клеопатра в джинсах направляется к ним из кулис, на ходу снимая кожаную куртку. Пока подружки наливают в рюмки водку, Клеопатра пристраивает свою «косуху» на спинку стула и садится за стол.

ИРА: И приснится же такое... А ты вчера вечером была в нормальном состоянии ? Ни с кем не ругалась, Спилберга не смотрела, Хаггарда не читала, мужа не била, любовнику писем не писала ?

КЛЕОПАТРА: Представь себе, нет. Другое дело, что на работе я вкалывала до тех пор, пока меня охрана не начала навещать и вопросы всякие дурацкие задавать. И всё ради того, чтобы доделать монтаж и нынче до вас добраться.

ИРА: Ладно, к твоим видениям мы ещё вернёмся. Перетрём, как теперь говорят. Есть у меня, кстати, одно соображение... Но сначала предлагаю, так сказать, снять напряжение. По чуть-чуть?... А потом уже достанем наше блюдечко и...

ХАРМИОНА: Будем вызывать духов, их и спросим, что значит эта твоя колесница с тронem. Хотя, очень всё было ярко, говоришь? Очень похоже на воспоминание... Надо бы подтянуть гипнотизёра из 15-ой квартиры, он на этом специализируется. Его даже милиция привлекала. То есть... Да, помогать! Как-то одну тётку заморочил, что она вспомнила аферисток. Они к ней пришли типа стиральную машину через собес оформлять, а вынесли орден Ленина.

ИРА: Без посторонних разберемся... Сами не лыком. Клёпа, ты опоздала, значит, с тебя тост. Только не надо там всяких "поехали", "первый пошел, второй с огурцом". Напряги фантазию, сообразно обстоятельствам. Только не вздумай выдать что-нибудь похожее на твой сон, от этой жути и так мороз по коже... Вот мне один раз приснилось, что я иду по кладбищу, а там...

КЛЕОПАТРА: Сообразно обстоятельствам, говоришь? То есть спиритическому сеансу... Ладно. Налили? Можете поставить на блюдца, тост будет длинным. Напросились. Ну, так вот. Весна. Бежит страус. Видит, сидит курица. Он - чертит крылом, моргает клювом, щелкает глазом. "Курица, говорит, давай снесем яйцо !" Она для приличия поломалась, а потом сама ему всё в лучшем виде представила. Дурное дело нехитрое. Снесли. Сидят, ждут. От неча делать начали спорить: чем этот птенец будет пробивать себе дорогу в жизнь. Страус говорит: "все страусята в нашем роду такие балерины ! Все ногами да ногами... А как бойко дрыгают. Поди догони". Курица с ним не согласна: а все великие, говорит, ученые да музыканты рождались в год петуха. Значит, будет как все цыплята - клювом да головой. Он ей - "дура !" Она ему - "ничего ты не понимаешь в колбасных обрезках". Не договорились. Взяли яйцо, пришли к ворону, старому и мудрому. Аксакалу, короче говоря, как наш жэковский водопроводчик Дядя Искандер. Вопрос тот же - что важнее, голова или ноги при самоутверждении подрастающего поколения. Ворон даже думать не стал. Клюнул свежее яичко и выпил...

ИРА: А ведь не врёт... Я сама видала, как у него это ловко получается. Собрал листья в кучу, сам на кучу сел. Откуда только яйцо достает, не видала...

КЛЕОПАТРА: Так давайте не будем задавать лишних вопросов...

ХАРМИОНА: Дяде Искану про яйцо – точно не стоит. Bravo. Но несколько вопросов духам у меня всё же накопилось. И про тебя, и про меня, и про Иру. Сгребайте всю закуску на подоконник. Если кто очень голодный, укладывайте запасы за щеки. Выключи чайник, он уже взбесился свистеть. Я пока свою версию не проверю, не успокоюсь. Хватит курить, когда я с вами разговариваю ! Ты чем сегодня душилась, Ирка, жжеными перьями или жеваным чесноком ? Дорогая, рюмку недопитую на стол не ставят - плохая примета. Клеп, ты со всеми своими журналистскими псевдонимами и биографиями липовыми еще помнишь, какого числа года, месяца ты родилась на самом деле?

КЛЕОПАТРА:

46 марта... Третье тысячелетие тысяча девятьсот затертого года до падения первого скворешника... (достаёт паспорт, раскрывает и кладёт на стол).

ИРА: О, обиделась... А ведь точно! Что-то не так у тебя с документами, девушка! Не иначе, подделала. Шучу. Не нашего ты мира, не нашего. Или шпионка, или нечисть какая другая? Ты за собой замечала, что тебя на отдых каждый раз тянет на Красное море, и не оправдывайся, что путёвка всего 500 баксов, что ты там пёстрых рыб руками ловишь... Рыбу ни разу не привозила, а сколько всяких скарабейчиков, крючков вечной жизни по два фунта за грамм серебра, осколков гробниц... Хургада, Хургада, Хургада (напевает на мелодию "Путаны") Ночные волны, шум приборья, солнца свет... Неспроста это всё.

ХАРМИОНА: Между прочим, ты посмотри как она сразу стала прятать глаза. Накрашенные, как у мумии ! Как подведены, видишь ? И этому ее никто не учил, ни один визажист... Всё умеет сама, и идет ей это так, словно она родилась с такой раскраской, а почему ? Смуглая в любое время года, хотя и натуральная блондинка. Брови и ресницы почти черные. Порода. Обожает серебряные ножные браслеты, постоянно бегаёт босиком, легко переносит самую невыносимую тропическую жару, при этом даже мягкой московской зимой страдает от холода, родившись в Москве !

ИРА: Клеопатра ! Будущая царица Египта, дочь Птолемея Авлета, Флейтиста, последнего монарха греческой династии, правившей в Александрии после распада империи Александра Македонского, умерла 29 августа 30 года до нашей эры, ровно за две тысячи лет до твоего рождения, голубушка... День в день. Ты можешь не верить в переселение душ, но нам тебя со стороны виднее. "Хорошую религию придумали индусы...Быть может, тот облезлый кот был раньше негодяем, а этот милый человек был раньше добрым псом." Молодец, Высоцкий ! А интересно, кем был в прошлой жизни наш самый большой попугай в Думе? Он даже башку свою так же наклоняет и глаза пучит, когда его про декларацию о доходах спрашивают... Пиастры, пиастры! Впрочем, там то ещё собрание зоологических редкостей. Особенно это проявляется, когда надо бы задуматься о чистке партийных рядов. А кстати, гиены какого цвета ?

КЛЕОПАТРА:

Песочного, если не сказать хуже. Значит, мой сон был вещим ? Вы что, всерьез считаете, что мое предыдущее воплощение - это Клеопатра, царица Египта ? Я боялась в это верить, но я верила. И сны... И любовь. И потеря. Наверное, наши бессмертные

души, путешествуя во времени, находят себе сильные и слабые воплощения, продолжают вершить добро или зло, предначертанные им для отшлифовки собственных и чужих судеб на дорогах вселенной, в сильных - встречают прежних друзей и прежних возлюбленных уже с другими лицами и телами, снова тянутся друг к другу, иной раз необъяснимо для непосвященных, но я - Клеопатра ? Почему же я так много помню из египетской легенды о вечной любви... Почему так знакомы мне стены древних храмов, такие теплые волны катятся к лицу от доброго таинственного Сфинкса...

ХАРМИОНА: Вот видишь... Ты ведь сама хочешь во всем этом убедиться...

На кухне появляется ещё один персонаж. Это Цезарь. На нём старые джинсы, ковбойка и женская шаль. Зеваёт, молча кланяется дамам. Шаркая тапочками, сутулясь, направляется к столу и стаскивает оттуда кусок еды. Дамы переглядываются.

ЦЕЗАРЬ: Добрый вечер, девочки. Опять задумали гадать... А я вот тут подумал, а не стоит ли нам завтра утром, то есть уже сегодня, попробовать поехать за опятами. Мне мой сменщик, когда пришёл, очень рекомендовал поворот с Ярославского шоссе на просёлок в районе 54 километра, так там...

ИРА: Ты уже вернулся со своего дежурства?... И что, твой сменщик был настолько добр, что не остался на ночь у своей подружки, а принял у тебя вахту вовремя? А ты оказался настолько проворен, что успел на последнем метро к родной жене? Точно, что-то в космосе сдвинулось.... Если хочешь есть, можешь взять. Но водки у нас и так мало. Если бы ты нарисовался чуть раньше, можно было сгонять в супермаркет. Но поскольку у нас ночной сухой закон, выпивку придётся экономить. Тем более, ты так устал... Отдохни пойдя. Нам пока силы моральные остались, надо духов вызвать. Так что пока заняты. Заняты ! Картошка теплая еще. Возьми! Ку-уда... На стол не ставь, там спиритический круг, запачкаешь сковородкой. В комнате тоже стол есть. И телевизор, что важнее. Я бы на твоём месте очень хотела спать. Сейчас посмотрим двадцать пятый час, нам милая девушка про греческий танкер и сомалийских пиратов расскажет, Путина в Сколково повторит... Что так смотришь? Уже все новости наизусть знаешь? Тогда баиньки... Баиньки, я сказала!

Цезарь уходит со сковородкой и чайником. Телефонный звонок. Хармиона берет трубку: "Алё, здорово, угу, угу..." - протягивает трубку Клеопатре.

КЛЕОПАТРА:

Кто звонил ? Не может быть... Нет, в чудеса я верю. Только не в отношении себя. А на меня как он вышел, ты, конечно, не знаешь. По телевизору много кого показывают. (нараспев) Ах, он меня по фотографии на сайте узна-ал... Тогда конечно! Видимо, придётся смириться с неизбежным и готовиться к командировке по локомотивам металлургической отрасли.... Нет, иначе никак нельзя проверить, за кого он себя выдаёт, этот кот в мешке. И не выдаёт ли желаемое за действительное. Что делать? Ждать... Выигрывает тот, кто умеет ждать. Сказал, знаешь, кто? Лжедмитрий Первый. Нет, это хорошая шутка... Честно. Да ладно, у тебя опять дефицит чувства юмора? Как позвонит, скажи дословно – я помирю их обязательно. Лучше запиши. Во-во... Так что

на подарке на новый год можно будет сэкономить. А война, как всегда, всё спишет.... Перестань! Даже не думай... Я тебе приеду!... Я не ору. У нас просто женская компания. Да кому здесь быть-то ? Твой неукротимый сексуальный оптимизм оторван от реальности... Кого мы можем позвать, если Иркин муж спит в соседней комнате? В обнимку с телевизором. Он сам выключается автоматически, там программа "слип" стоит. Так что "НТВ" ничто не угрожает. Больше мужиков нет. К Гошке, к попугаю, ты, надеюсь, не ревнуешь. А как же ? Кстати, тебе еще предстоит обрести смысл жизни в уборке прилегающей территории. К каким любовницам ? Ты же сам мне вчера доказал, что ты импотент с одна тыща девятьсот пятого года. Да ради бога, не отказывай себе ни в чем. Правда, приедешь ? Тогда учти, что Иркин муж со смены пришел, и в шахматы с ним играть просто жестоко. Мы часам к трем освободимся. Да, есть время поменять свечи. Если не проспишь. Я проверю. Всё, пока... (вешает трубку, раздраженно почесывая ухо, садится за стол, опрокидывает рюмку, облегченно вздыхает)

ХАРМИОНА: Надеюсь больше нас никто отвлекать не будет ? Так вот я к чему. По одной из теорий, человеческая душа может иметь несколько аватаров. То есть воплощений. Аватарами, то есть жизненными путями верховного индийского божества Вишну были пастух Кришна и воин Рама. Те, кто смотрели эту поделку с синими человечками в три дэ, понятия о подоплёке не имели.... Ну да ладно, не суть. То, что вселенная не бесконечна, нам еще никто не доказал. Позитивная энергетика дает максимальную концентрацию на небе, в раю. Отрицательная, соответственно. Есть, как известно, люди, которые рождаются в рубашках. Что, несправедливо? Отнюдь. Это слабые воплощения. Такие чередования есть отдых. Они не способны ни на что. Их глубокая душа внутри и скрыта, она отдыхает после прошлой сильной позиции. Если под тяжестью благ и собственной неспособности справиться с жизнью они ломаются, теряется их накопленная энергетика, и тем сложнее будет начинать с нуля в новой будущей сильной позиции, где душе дается сила поступка. В аду или в раю душа может находиться в период между воплощениями, в зависимости от оценки, полученной за поведение в жизни на Земле. Ведь абсолютных праведников нет, как нет и абсолютных грешников. И так до полного очищения. До просветленного состояния Будды.

КЛЕОПАТРА: Ближе к нашей ситуации, ты хочешь сказать, что мы можем в нашем подсознании откапывать воспоминания только о сильных аватарах?

ХАРМИОНА: Вот именно! В слабых вспоминать-то толком нечего. Не было ярких впечатлений, взлетов, падений, борьбы... Как у тех мелких тварей, чей путь оканчивается коротким писком. Но ты – избранная. Одним из твоих прошлых воплощений была Клеопатра Египетская. Давай проверим ?... И еще одна вещь, в которой я хочу удостовериться...

ИРА: Про нас? Про нас!

ХАРМИОНА: Правильно. Про нас троих, про кого же ещё. Сейчас говорить об этом открыто – не криминал. Вот, третьего дня ехала на трамвае. Так одна девочка маме говорила: у нас, говорит, в школе открытый урок был. Писали сочинение «святые и ведьмы». Уму непостижимо! Дожили в 21 веке. Я чуть через закрытые двери не вышла, чтобы она про меня потом в тетрадке не написала.

ИРА: Не напишет, не переживай... Ей надо уже к следующему открытому уроку готовиться, по «Ангелам и Демонам». Так чего там в теории-то?

ХАРМИОНА: Ведьм всегда бывает по три - вспомни "Макбет", слепых сестер, которых навещал в их пещере мифологический Персей, потом современный фильм "Иствикские ведьмы" ... Почему мы здесь три, почему мы способны друг другу и другим предсказывать будущее, читать мысли, внушать, исцелять, отводить от бездны самоубийц, влиять и колдовать... Совершать то, что простым смертным недоступно даже в век "Виндоуз" и "колдрекса". Быть белыми ведьмами. Почему наши три сильные позиции сошлись вместе ? Может быть, мы уже встречались на этом звездном пути... Ира, заклинай... Начинаем.

ИРА: "Аз есмь Бог, сказал Господь на горе Синая. Аз мы белым назовем, первым, буквы зная. Черным буквой звали все Дьявола хромого. Буквой "буки" нареку черное я слово. Нам же ведома судьба, третий путь отличный, силой власти и пера к магии привычны. Слабый пусть ползет в пыли к пропасти иль к храму, нас же знаньем обрекли средь веков упрямых. Сила "ВЕДИ" и ума, ведьма буква третья. Мы к спасенью скажем путь, подгоняя плетью. Мы не служим. Из-за нас ад и рай воюют. Нет гордыни в этом. Аз. Белым я рисую. Волей белых трех сестер звездный покажи ковер... Вызываю дух величайшего полководца древности Юлия Цезаря. Гай Юлий ? Ответь нам, готов ли ты говорить с нами ?

На противоположной стороне сцены в лучах приглушенного прожектора появляется Цезарь, закутанный в пурпурную тогу. Он сидит в кресле. С этого момента первые ответы Цезаря сопровождаются тем, что "сестры" двигают по столу блюдце и хором повторяют его слова.

ЦЕЗАРЬ: Да.

ИРА: Правда ли то, что перед нами сидит Клеопатра Египетская ?

ЦЕЗАРЬ: Да.

ХАРМИОНА: Правда ли то, что мы были с нею в прошлом ?

ЦЕЗАРЬ: Да.

КЛЕОПАТРА:

Заладили - "да"... Жульничаете ? Правда ли то, что я рожу девочку ?

ЦЕЗАРЬ: Нет.

КЛЕОПАТРА: А кого?

ЦЕЗАРЬ: Меня.

ХАРМИОНА:

Значит, мы будем нянчить маленького Юлия ? Сына Клеопатры, Цезариона ? Он будет взрослым великим, как ты ?

ЦЕЗАРЬ: Да...

КЛЕОПАТРА: А кто будет будущим Президентом России ?

ЦЕЗАРЬ: Он. Но прежде в России сменятся ещё три монарха. Первый из них носит имя великого полководца, того, кто поставил большой полк на полное истребление.

КЛЕОПАТРА: Куликовская битва. Дмитрий Донской... Правильно!

ХАРМИОНА: Сегодня необыкновенная ночь. Вы слышали этот голос ? Послушай, твоё Величество, а что если тебе слетать с ним в прошлое, как в твоём сне, и рассказать нам все, что ты увидишь...

ИРА: С точки зрения научного поиска такая медитация вполне оправдана, тем более, что в её ситуации ссоры и разлуки с её возлюбленным, которая, я уверена, не навсегда, хотя он ей это посмел заявить, скажу больше, если бы я была уверена, что он сам искренен в этих словах, я бы первая напустила на него порчу... Эта разлука с ними ненадолго, а встреча будет навсегда. Но нашим гаданиям она, ничтоже сумняшеся, не верит, думает, что мы её облизываем и утешаем. Врём, видите ли... Дурочка, зачем нам врать? Мы же не цыганки, денег с неё за красивую сказку не берем. Так вот, пусть слетает, посмотрит, как это было тогда. Слишком много параллелей. Она справится, у неё хорошее воображение, и душа лёгкая. Долетит. И ей помимо "веди" и "добро" даны "глагол" и "земля". Попробуй, а ? Цезарь, ты готов помочь ей ?

ЦЕЗАРЬ: Да.

КЛЕОПАТРА: Я что-то начинаю вспоминать.

ЦЕЗАРЬ: Море расплавленной ртути, Красное море Египта, спит. Без волны недвижимо...

Ветер пустыни проносит мимо намеченной цели

Птиц полусонных и духов, вести и пальм оперенье.

Полночь синеющим хладом крыши домов накрывает.

Спите, феллахи Египта. Спите, дворцы фараонов.

Мне же открой, о Анубис, дали пространства вселенной.

Память, закрытую смертным. Тайну ночного полета.

КЛЕОПАТРА (закрыв глаза): Слышу.

ЦЕЗАРЬ: Спешу, Клеопатра... Духов ночных не заметишь.

Имя свое распознаешь, в камне живом пирамиды..."

Черное зеркало царским небо приветствует светом.

Лунный костер отраженья вспыхнул среди полночи вечной.

Восемь стремительных граней белых столбов основанье

О пирамиды Египта, Вас нареку я вратами.

ХАРМИОНА: Рассказывай, что видишь...

Клеопатра - сидит закрыв глаза, вытянув ладони над блюдцем. Говорит негромко и монотонно. Хармиона и Ира слушают ее переглядываясь, иногда закрывая рот рукой, Хармиона старается сдержать свои эмоции, чтобы не вспугнуть ее видение.

КЛЕОПАТРА: Я возвращаюсь в свое царство. Черный полированный гранит, которым облицованы две величайшие гробницы фараонов, в третьем часу по полуночи, когда замирает, погрузившись в мистическое ожидание прихода нового дня, эта таинственная пустыня, отражая лунный свет, правда! бросает в небо мощные сигналы отраженного света. Два огромных белых столба устремляются в черноту звездного океана. Тот, кто хоть раз влетел в эти ворота, знает тайну перерождения. У подножия пирамид - океан песка... Такими и только такими, первозданными, словно только что заселенными умершими фараонами, дано видеть Пирамиды посвященным. Все же, что открывается обычному смертному взору - это грандиозная каменная лестница из неровных плит, в раскаленном тумане убегающая в африканское поднебесье, чей древний покой дразнят надрывные вопли арабов, паразитирующих на наивности туристов. Но это - для всех... Невидимый мир Пирамид - иной.

ИРА: Она ведь правда это все видит... Может быть, здесь только ее тело, а душа там. Жуть-то какая. Боюсь я, что эта гадость добром не кончится. Тоже мне, это ты придумала весь этот бред - это же надо было ! Медитация, спиритизм. Мне страшно за нее, она же двинется. И так как оголенный нерв с этим своим... красавцем. (пытается схватить Клеопатру за руку, разбудить, Хармиона ей не дает). Возвращайся, не надо ! Очнись !

ХАРМИОНА: Оставь ее в покое, как бы хуже ни было. Слушай, молчи. Цезарь, ты здесь?

ЦЕЗАРЬ: Здесь.

ХАРМИОНА: С ней все в порядке ? Она с ума не тронется, а ?

ЦЕЗАРЬ: Не бойся.

КЛЕОПАТРА: Священное место охраняет огромная толпа самых разных духов - на самом деле приставленных к усыпальницам фараонов. Это как бы консервные банки с тайнами, которые будет позволено освоить неразумному человечеству еще нескоро. Кроме стражей здесь – много тех, кто витает и вьется поблизости просто от нечего делать. Как и все в Египте, местные духи очень любят поговорить на всевозможные темы. И если хранители медленно и с достоинством ведут весьма полезные беседы, то прочие представители сонма бросаются на гостя только с целью пообщаться со свежим разумом, разузнать новости. В конце концов, вечность тоже изобилует множеством поводов для сплетен. Привычка виться все время в одном месте, закоренелая лень определенной части духов, поселившихся в "исторических" пространствах, доводит их

порой до того, что они буквально одуревают друг от друга, а на то, чтобы выбраться попутешествовать еще куда-то, их энергии не хватает. К счастью, влиять на судьбы смертных большинству из них не дано. Поэтому мир пирамид - по сути большая деревня, где все давно знают, от кого что ожидать, а любая новость для них - величайшая награда, о которой только и можно мечтать во время долгого срока между воплощениями. Как мне стало известно, весть о моем собственном перерождении вся эта многочисленная компания обсуждала на все лады несколько веков. И ужасно переживала, что до возвращения моей сильной позиции придется ждать еще столько же. Вообще, в массе своей, они ребята хорошие, хотя и наивные до чрезвычайности. Поэтому когда вся эта куча кидается ко мне, когда меня заносит поближе к пирамидам, я никогда от них не отмахиваюсь, никогда с ними не ругаюсь. Чаще всего отмалчиваюсь. Но когда становится совсем уж нестерпимо видеть их искреннее расстройство и безутешность, что я не принесла на хвосте своей метлы никакой новой сплетни, приходится отзываться в сторону кого-нибудь одного, рассказывать под ужасным секретом последнюю байку, например, о том, что у японского императора покрылись зеленой плесенью все магические медные таблички, а он, дурак, не сообразил, что это предвестник землетрясения в старой столице, унесшего зимой 1994 сотни жизней...

ХАРМИОНА: Землетрясение в Киото или Кобе ? А ведь это было...

ИРА: А ну, заткнись...

КЛЕОПАТРА: Такой маневр, по крайней мере, дает мне гарантию, что ко мне уже никто приставать в этот прилет не будет. Какое-то время совершенно обалдевший дух очумело болтается между пирамидами, а потом стремительно бросается к Сфинксу - похвастаться, что ему доверили быть носителем сенсации. Мудрый Сфинкс его, естественно, посылает. С одной стороны, ему все это и так давно известно, с другой стороны, он знает, что это мои штучки. Тогда обиженный дух летит к какому-нибудь своему приятелю, рассказывает ему эту же тайну под таким же страшным обещанием молчать. И так, в геометрической прогрессии, история про медные таблички японского императора становится известна всем, но через определенное время, за которое я успеваю повидаться со Сфинксом и с Хранителями и убраться в Александрию, в свое царствование. Какая-никакая, а надежная уловка, чтобы скучающие обитатели пирамид не успели в меня вцепиться. Так как по закону страшная тайна может быть рассказана только из уст в уста, а не перед целой аудиторией... Впрочем, другой закон не рекомендует без серьезной надобности погружаться в те пространства и в те эпохи, где сам ты в своих воплощениях до сих пор не появлялся. Опасности особой в этом нет, но такого рода экскурсии сопровождаются массой неудобств, в том числе и для принимающей стороны. То же самое, как если бы в условиях Земли 21 столетия от рождения Христа русского бы в полном одиночестве, без карты и компаса забросили бы куда-нибудь в дебри Амазонии. Мало того, что натворить такой праздношатающийся дух может лишнего, ему и самому удовольствия будет мало, так как мало что будет понятно в происходящем вокруг. Хотя это, безусловно, почти не распространяется на походы в прошлое тех, кто воплотился в сильной позиции в высокоразвитые эпохи, и худо-бедно знает историю. Плюс к тому эти вообще в силу своего интеллекта никогда ни во что не вмешаются. Но, тем не менее, массовое правило

предписывает среднестатистическим духам от конкретных территориальных и временных земных точек своих ближайших воплощений далеко не отдаляться - иначе вообще под удар может быть поставлен энергетический запас... Однако, мои эпизодические появления в пространстве Великих Пирамид - не только следствие нежной привязанности к его обитателям. Этот маршрут я избираю, чтобы набрать запас для рывка в свое прошлое воплощение. Следующая точка моего маршрута - Александрия, 38 год до нашей эры...

ЦЕЗАРЬ:

Маслом чадящим тьму ночи гонит светильников бронза...
Синей материи складки треплет сквозняк запоздалый.
Мраморных плит и колонн полуночной прохладой полон дворец.
Черные стражи в уборах золотых охраняют покои.
Только покоя не будет в чертогах твоих, Клеопатра...
Взор неподвижен и в даль устремлен вековую,
Слезы иссякли, но тень от ресниц словно туча,
Свет похищает очей твоих грустных, царица...
Тусклый рассвет тебя снова с бессонницей мирит.
Смерти ты просишь и ждешь, как подбитая птица,
Та, что не может летать в голубом поднебесье.
Чем подсластить тебе горечь обиды смертельной ?
Как задуть пустоту над распятой любовью...
В черную пряжу ты пальцы свои погружаешь.

На сцене - Клеопатра и Хармиона в античных туниках. С царским убором в прическе Клеопатры и париком египетского вида у Хармионы. В левом углу сцены разбросаны пестрые подушки и шкуры, на которых обе и сидят. Мерцают масляные светильники.

КЛЕОПАТРА:

Как мне забыть его, дай мне совет, Хармиона !

ХАРМИОНА: Вспомни, царица, не тронем единым мужей ты к себе привлекаешь...

КЛЕОПАТРА: Не верю...

ХАРМИОНА: Попробуй !

Золотом струн сладкозвучных пусть хоры восславят
Праздник беспечный и звонкий, чтобы Рим его слышал!

КЛЕОПАТРА: Ну а потом ? Ну узнает,

мерзкий предатель что солью
посыпала след его гнусный на нашей земле
Клеопатра...

Ну разозлится, ну думать начнет, что играла в любовь я лукаво... А толку ?

ХАРМИОНА: Верь мне, царица, что мощь твоих чар не иссякла.

То, что придет он к тебе, я предвижу без лести.
Горе вином и кифарой не выжмешь из сердца,
Ну а любовью...

КЛЕОПАТРА: Ты бредишь !

ХАРМИОНА: Помни, отчаянья плеть как палач неподкупна.
Сбросить ее только дерзкая хитрость поможет.
Пусть за любовь твою кровью обидчик заплатит !
Ты их поссоришь со временем, это не трудно.
Шаток их мир, поцелуи - притворство, мечи - наготове.
Рим раздирает их власти безумная жажда.
В логове тесно трем львам, их конфликт неизбежен.
Гордый Антоний и он не минует проклятья.
Вновь на восток позовет его жажда победы...
Слава его как весенний туман растворится.
Сталь боевая в Египте настигнет героя...

КЛЕОПАТРА: Что ты пророчишь, свет с тьмою во гневе мешая !
Тот, кто проклятье посеет, его ж и получит.
Если вернется ко мне он, я счастлива буду.
Разве не вечно воскресший Озирис прощенью нас учит ?
Что ж до совета... Я пир созову непременно.
Только веселье для этих скотов будет страшным.
Розы венков и сладчайшие звуки кифары
Слух услаждать будут римлянам гордым и сытым,
Пленным рабам... Всех на пир позову я !
Ну а когда славословья их станут погромче,
В пользу красоты моей дивной и щедрости трона,
Я предложу им себя, как простую гетеру...
Ну а как плату за ночь наслаждений и неги...

ХАРМИОНА:

Жизнь, да, царица ? Казнишь ты счастливых на утро!
Вряд ли насытишь ты гнев чередой смертей добровольных...
Нескольких хватит тебе, и поймешь ты устало -
Этак лечить тебе раны души не престало.
Впрочем, шакалы, что нашей питаются страстью,
Вести о зверстве твоём увеличат и в Рим донесут,
Что продавала годами ты ночи безумцам,
И черепами любовников двор свой мостила.
В Риме матроны тебя вавилонской блудницей ославят,
Страхом и завистью имя твое окружая.
Будут на деле - ну пара усталых, уродов, бывших рабов,
Что и ласки вовек не видали... Ну а молва...
Славу в веках ты создашь себе этим весельем кровавым.
Только добьешься ли цели ? Все быстро наскучит...

Эту забаву отчаянья боль подсказала.
Хочешь - играй. Только я бы, царица, не стала...

КЛЕОПАТРА: Пусть разольется в Египте кровавое море !
Красное море своим мы назвали недаром.
Я утоплю свое горе в багровом потоке,
Я услажу свое тело игрой обреченных.
Петь и смеяться я буду, с отчаяньем споря...
Слезы их жен и невест буду пить с наслаждением.
Так отомщу я за рану, что сделал Антоний.
Только, боюсь, Хармиона, что этого мало.
Боек кинжал моих слуг, в Рим отправить их надо !
Ну а в награду... По-царски услуга оплачена будет.
Если вернутся с победой, рабов награжу я свободой.
Если права ты: Антоний женат по расчету,
Слез не прольет над могилой Октавии свежей.
Если ж влюблен он в нее, и с политикой вместе
Выгодность брака в обманчивых чувствах находит,
Горе обоим ! Обоих я их уничтожу!

ХАРМИОНА: Дай-ка, тебе, Клеопатра, венец на челе я поправлю.
Что-то венец фараонов слегка на тебе покосился.
В этом причина, что ты не по-царски запела...

КЛЕОПАТРА: Как ты мне смеешь перечить...

ХАРМИОНА: Тебя я люблю беззаветно !
Я ненавижу Октавию люто, поверь мне, царица.
Я бы сама догадалась убийц подослать к ней жестоких.
Только подарок такой для любви вашей был бы смертелен.
Знаю я твердо, что это тебя недостойно.
Это ли способ борьбы для царицы Египта ?
Словно торговка на рынке среди рыбных прилавков
Ты на соперницу нож из тряпья вынимаешь...

КЛЕОПАТРА: Кто же узнает...

ХАРМИОНА: Так всем будет ясно, чья воля !
Страстью бессильной слепой опьяненная, злобой,
Скрежет зубовный вложив в рукоятку кинжала,
Против законной жены поднялась египтянка,
Ночью ковры искусаив у остывшего ложа.
Так над тобой будет римская чернь насмехаться.
Знаю, тебя наплевать на их крики и шутки.
Только Антоний тогда никогда не вернется...
Стоит ли счастьем тебе рисковать, Клеопатра.

КЛЕОПАТРА: Ты так уверена в том, что ко мне он вернется...

ХАРМИОНА: Можешь казнить меня, если слова мои лживы !
Зеркала диск поддержи ты в руках хоть минуту,
Сразу поймешь, что тебя он забыть не сумеет.
Сила любви вашей станет красивой легендой.
Он, стосковавшись, вернется к тебе, Клеопатра.
Бросит Октавию скучную в чопорном Риме,
Снова свои паруса повернет он в Египет.
Этим убьешь ты ее ! По бежавшему мужу
Голову пеплом посыпав, Октавия сгинет.
Вспомнит ли кто про нее ? Никогда, Клеопатра !
Ждать научись, мудрость царскую вновь призови,
Вечный покой пирамид тебе станет примером терпенья.
Будущий плен для героя в Египте так сладок.
Ты для него станешь сказкой, Октавия - тюрьмою.
Пусть твой герой для побега из Рима созреет...
Ты ж подожди.

КЛЕОПАТРА: Ты говоришь, тебя хочется слушать и верить...
Но кто мне скажет, а вдруг он Октавию любит ?

ХАРМИОНА: Ты уважаешь в Антонии силу мужскую и разум ?
Ты полюбила б его, окажись он теленком ?
Что ж, сомневаешься ты, что он женщину любит ?
Ту, что красой наделили бессмертные боги,
Царским венцом, силой страсти и разума ядом...
Нет ничего, что в тебе он находит в избытке
В рыбьем ее затуманенном скукою взоре.
Разве наездник умелый, к сраженью готовясь,
Дохлых ослов предпочтет боевому коню...

Свет на сцене гаснет. Прожектором выхвачена только фигура Цезаря.

ЦЕЗАРЬ:
Розы рассвет рассыпает над дельтою Нила.
Дым ароматный иссяк у светильников медных.
Нить драгоценную ткани индийской лазурной
Утренний ветер гоняет по мраморным плитам.
Хищник ручной, поворчав, на пороге свернулся,
Бряцают копьями грозные стражи-нубийцы.
Голову тихо склонив на колени подруги
Спит Клеопатра устало, с улыбкой надежды...
Сон ее вещий преданье судьбы оживляет...
Будущей жизни картины пронесит незримо.
"Ты, Хармиона, награду за доблесть получишь,
Весть долгожданная поздней победой осветит

**Жизнь твою странную, полную казней и страсти.
Ты, только ты, что слова мне надежды сказала,
Встретишь того, кто из темного леса выходит,
Светом гонима, к нему ты на грудь упадаешь,
Там - тебе жить, и тебе там светить ему вечно".**

На сцене снова круглый стол со спиритической сеткой, вокруг которого сидят современные Клеопатра, Хармиона и Ира. Проектор, освещающий Цезаря, гаснет. Клеопатра с тяжелым усталым вздохом опускает руки на колени, встряхивает головой, потом, подперев подбородок ладонью, с растущей веселостью смотрит на подруг.

КЛЕОПАТРА: Ну и чего вы сидите, будто вас водой окатили ?

ХАРМИОНА: Ну это было... Слов нет. Вообще-то жутковато. Но то предсказание, что касается меня, и верить хочется, и довериться страшно. Неужели правда все еще будет хорошо ?

ИРА: Ты плачешь, что ли ? Тебе сам Цезарь сказал, глупая. Но вообще-то что-то дремуче-языческое в этом есть. Сколько Клеопатра Египетская жила вообще без своего Антония, после того, как он свалил завоевывать Рим в триумvirате с Октавианом и этим, как его, Патроклом?...

КЛЕОПАТРА: Помпеем ! И он женился на сестре Октавиана Спустя некоторое время, находясь с ней в Греции, он начал страшно скучать. Я это не очень хорошо запомнила, но Плутарх писал, что Египет - экспортер зерна для всего античного Средиземноморья, после того, как Клеопатра узнала о женитьбе Антония, прекратил всякие поставки Риму. Антоний, которому триумвиры доверили ведать восточными странами будущей империи, стал слать к ней гонцов. В течение года пять раз парламентариев не пускали не то, что во дворец к царице, но даже в саму Александрию. Стража заворачивала их у стен города. А последнего пятого она приказала высечь плетьюми, содрать с него одежду, конфисковала лошадь и отправила во свояси в Рим босого и с набитой рожей...

ИРА: Ты всегда была злодейкой ! Посла-то, несчастного, подневольного, за что ? А лошадей? Что ли, своих мало было ?

ХАРМИОНА: А что потом ?

ИРА: Я не историк, но ежу понятно, что он сам к ней поехал за зерном или еще за чем...

КЛЕОПАТРА: Мне и так тошно. У меня ему просить нечего. Ни Египта, ни зерна.

ИРА: Минуточку, сколько прошло времени с тех пор, как он уехал в Рим делить мир и тем, как нарисовался у неё обратно с поклоном, сытый до отрыжки римской женой ?

**ХАРМИОНА:
"Вот жена в халате рваном.**

Как помотришь, тянет прочь.
Как назвать ее желанной ?
Как природу превозмочь ?"
Два с половиной года прошло.

ИРА: Так чего ты хочешь, я не понимаю ? Ты на сегодняшний день сколько его не видела ?

КЛЕОПАТРА: Сравнила... Тогда от Рима до Египта корабли шли месяц. А сегодня я на мысе Доброй Надежды, где Индийский океан с Атлантическим сливается, окажусь на самолёте через сутки. На сегодняшний день я его не видела две недели.

ИРА: Ой, чудная ты будешь старая... Для вечности есть правило повтора всего вплоть до имен и сроков. Через два года встретитесь и до гробовой доски ты будешь наблюдать мелькание его физиономии в шаговой доступности. Ладно, хватит об этом. Ты сейчас сама как себя чувствуешь после этого полета ?

КЛЕОПАТРА: Я даже посвежела как-то. Душу мне пылесосом как будто вычистили и его шампунем прошли. Как после бани. Легко.

ХАРМИОНА: Ты ее в новый полет отправить хочешь ? Может, лучше я слетаю...

ИРА: До тебя очередь дойдет. А вообще, у меня шкурный интерес. У нее с Цезарем вон чего... Все как по нотам играют. И какая сказка красивая. Точнее быль. Калевала. Летопись. Я хочу узнать, как вы обе две - царица и служанка меня встретили. Я ведь, кажется, где-то читала, что вы меня на последние деньги купили на невольничьем рынке. Ира там оказалась после кораблекрушения и рабства у пиратов.

КЛЕОПАТРА: Нет проблем. Так и было. Цезарь, ты здесь, ты мне поможешь ?

ЦЕЗАРЬ: Я готов.

КЛЕОПАТРА: Я тоже.

ХАРМИОНА: Мне страшновато как-то...

ИРА: Помолчи, хватит трястись... Давай, руки к блюдцу. Ты же ведьма, стыдись!

КЛЕОПАТРА:
Снова картина Египта встает предо мною,
Времени мрак разгоняют подлунные ветры...

ЦЕЗАРЬ:
Визги коней, колесницы встревоженный скрежет,
Крики торговцев и хруст переломанных сучьев.
Пестрые ткани и тусклый металл раскаленный -
Эхо базарного дня у порога лазурного моря.

Персы, армяне, нубийцы, что сажи чернее,
Все здесь смешались, товары свои предлагая.
Александрия - сплетенье путей караванных,
Странным, богатым и нищим ты кажешься краем,
Манишь прохладой роскошных палат царедворцев,
Славу свою ты оборванным рубищем множишь.
Белые портики, стройных колонн оперенье,
Вряд ли удержат твоих горожан любопытство.
Роскошь с востока, из Рима - изыски порока,
Все на продажу - посуда, стихи и поэты.
Солнце палит за пределами храмов коварных,
Гонят рабы с алебастром и тмином повозки.
Потом и пылью наполнены улиц пространства,
День разгорается, день, посвященный Гермесу.
Робко от белой стены отделяются тени -
В легких одеждах затеряны гибкие станы,
Тихо звенят на ногах золотые браслеты,
Лица закрыты от взглядов нескромных прохожих.
"Кто ты, красавица, сдерни с лица покрывало !"
Дерзкие руки уж тянутся к сладкой добыче -
Нет ! Рядом воин мечом отгоняет нахалов.

В передней части сцены - Хармиона и Клеопатра. На белый занавес проецируются бытовые зарисовки восточного базара. На обеих - античное облачение.

ХАРМИОНА: О Клеопатра, стой. Вдруг, тебя тут узнают ?
Ты понимаешь, что это не царское дело?
В дикой толпе, без носилок в жару тут мотаться...
Ты посмотри, что творится ! То грязь, то помои...
Площадь базарная свистом и бранью клокочет.
Там вон - цыганка с детьми подаяния просит,
А на углу иудею отрезали уши...
Что, во дворце ты товаров вовек не видала ?
Ты прикажи - тебе все это мигом доставят.

КЛЕОПАТРА: Ты, погляжу я, совсем обленилась душою.
Или боишься, что ногу в толпе мне отдавят ?
Мумии, что в пирамидах - сидят неподвижно,
Им, фараонам умершим, уж все безразлично.
Если же я просижу больше часа на троне -
Мумией стану сама, без кинжала и яда.
Как меня тянет в поганых жрецов туфлей кинуть !
А барабан их священный набить тухлой рыбой...

ХАРМИОНА: Видно за рыбой спешит на базар Клеопатра...
Тухлую - в царских покоях найти не сумела.
Ты б золотых из бассейна сачком наловила,

Час на жаре, и не надо по грязи таскаться.

КЛЕОПАТРА: Шпильки свои ты в мужчину втыкала бы лучше.
Ишь, разошлась, будто слово ей дали в Сенате !
Знать свой народ, лишь с балкона за ним наблюдая,
Нам не дано, так учил меня Цезарь Великий.

ИРА: (за кадром) Вспомнила, однако... И на том спасибо.

ЦЕЗАРЬ:

В шумной толпе пробираясь к рядам иноземным,
Бивней слоновьих коснулась царица рукою,
Гладит ковров златом тканых волнистые струи,
В медные диски зеркал ударяет игриво.
Следует с пасмурной миной за ней Хармиона,
К спелым плодам обращая свой взор ненароком.
Волны народа качаются в мареве душном,
Фыркают кони, звенят паруса на галерах.
Долго не узнана бродит царица по рынку...
Кутаясь в шаль, Хармиона тревожно вздыхает.
Тысячи глаз провожают прекрасную пару -
А окажись среди них хоть один царедворец ?
Смело ломает уклад фараонов царица,
Эллинки вольная кровь в ее жилах играет.

КЛЕОПАТРА: Эй, Хармиона, гляди, что за шум там, у моря ?
Толстые персы мощною трясут очумело.
Что за товар привезли нам суда финикийцев ?
Рвутся купцы, чтоб взглянуть на заморское диво...
Что там такое...

ХАРМИОНА: Рабов привезли, Клеопатра.
Это пираты, гроза побережий Египта.
Снова за промысел гнусный принялись на море.
Стражу позвать, чтоб казнили разбойников тут же ?

КЛЕОПАТРА: Нет, отчего же. За этими будут другие,
Если им прибыль приносит торговля рабами.
Их надо в море ловить, и суда их сжигать беспощадно.
Лучше пойдем, поглядим...

ХАРМИОНА: Узнают. Опасно !

ЦЕЗАРЬ:

Но Клеопатра ее возражений не слышит,
Словно зовет ее кто-то к торговому кругу.
Воин пред нею толпу раздвигает пинками

Вот она, в первом ряду. И слеза на глаза навернулась.
Пылью покрыты рабов изможденные лица,
Взоры потухшие в грязный помост опустили.
Впали их щеки, истерзаны цепью запястья,
Раны зудят под жестоким полуденным солнцем.
Греки, евреи - недавно вы были свободны.
Но позвала вас судьба на морские просторы.
В битве неравной счастливыцы обнялись со смертью.
А уцелевшим достался невольничий рынок.
Кто бы ты ни был - Эзоп ли, ваятель иль воин -
Рабская доля теперь вам удел до могилы.
Боли твоей никогда не заметит хозяин,
Что заплатил за судьбу твою звонкой монетой.
Стыд заливаает царицы румяные щеки.
Горе пиратам, Египет их больше не примет.

КЛЕОПАТРА: Я не позволю детей разлучать с матерями.
Горе пиратам, я их отловлю и отрежу
Уши, носы, оболью кипятком их мужские...

ХАРМИОНА: Лучше их в рабство продай...

КЛЕОПАТРА: Этой кары довольно ли будет ?

ХАРМИОНА: Ты уж поверь мне, царица, как бывшей рабыне.
Может, пойдем, Клеопатра ? Довольно видала ?

ЦЕЗАРЬ:

Молча царица стоит, побледнев, у помоста.
Нервные пальцы комкают обшивку накидки.
Взор ее ищет ответа в глазах обреченных.
Всем вам свободу купить - ей казны б не хватило.
Вдруг среди грязных лохмотьев и тел изможденных
Видит она - золотая головка склонилась.
В серых глазах - отцветают сады молодые.
Степи сарматов качают ковыль непокорный.
Ей, северянке, не выжить в египетском рабстве.
Волю ее ни побои, ни голод не сломят.
Кто ты, откуда, ты видно, привыкла к свободе,
Хижину вряд ли ты домом родным называла,
Знаю, к высоким порогам привыкла ты с детства,
Что ж занесло тебя в море, какая случайность ?
Иль к жениху ты спешила в коварном Босфоре,
Где тебя ночью настигло пиратское судно...
Окрик гортанный прервал размышленья царицы.
Девушку в центр выводит пират колченогий.
Плетью истерзаны юные смуглые плечи.

Гневные слезы застыли во взоре горящем.
Дрогнуло сердце в груди всемогущей царицы.

КЛЕОПАТРА: Слушай меня, дорогая моя Хармиона,
Только о ревности сразу забудь, и не думай.
Девушку эту куплю я себе в услуженье.
Я не могу приказать, чтоб ее мне отдали.
Станет царица Египта брать дань от пиратов!
Завтра наутро я их корабли уничтожу.
Денег довольно у нас, чтоб рабыню купить ?

ХАРМИОНА: Сто монет, Клеопатра, не больше.
Если пошлешь во дворец, перекупим, заставим...
срочно вернуть...

КЛЕОПАТРА: Мы с собой уведем ее с рынка.

ЦЕЗАРЬ:
Грязные руки стянули с рабыни одежду...
Жаждают добычи торговцы, сопя сладострастно.
Потный нубиец потребовал новую цену.
Торг оживился...

ХАРМИОНА: Уже сто монет, Клеопатра !

ЦЕЗАРЬ:
Твердой рукою снимает браслет Клеопатра.
Синие камни искрятся в испанской чеканке.

КЛЕОПАТРА: Золота здесь и сапфиров на сотню-другую...
Вряд ли рабыня потянет на большую цену.
Ты к ювелирам беги, я пока поторгуюсь.

ХАРМИОНА: Как я оставлю тебя здесь одну, Клеопатра !
В дикой толпе на невольничьем рынке, царицу !

КЛЕОПАТРА: Время идет, сто пятнадцать, ты слышишь, как много !
Эй, на помосте, сто сорок даю за девицу !
Ну, поспеши, попроси с ювелиров побольше...
Я не могу, ведь узнают меня ювелиры.
Спорить ты смеешь со мной, нам спасти ее надо.

ЦЕЗАРЬ:
Тихо шипя, повинуется ей Хармиона.
Триста монет получает она за сапфиры.
Яростный торг выкликает последние цены.
Рыжего перса, торговца смолой и быками,

Прелести северной дивы тревожат заметно.
Он не уступит. Нубиец, похоже, сдается.
Что же пора ? За царицей последнее слово.
Ахнула площадь. Что за женщина в синем уборе,
Что за рабыню готова отдать состоянье...
Этого золота хватит на пару упряжек...
Перс побежден. И с помоста спускаясь несмело,
Смотрит с надеждой красавица в очи царицы.
Теплым ее Хармиона плащом укрывает.
Чашу с водой Клеопатра дает ей с улыбкой.
Быстрые кони несут их подальше от рынка.
"Слава тебе, Клеопатра, царица Египта !"
Римский отряд повстречали они по дороге.
"Это хозяйка моя ?" Звонкий смех ей ответом.
Падает девушка ниц. "Как зовут тебя ?" - "Ира..."

ИРА: Какая прелесть !.. Вот она, сила слова звенящего.... Но что мне больше всего понравилось, так это незавершенность ситуаций - ни в первом, ни во втором случаях. Все мы стоим только в начале пути, причем очень интересно: справа черный бордюр, слева белый, мы - посередине. Идем гуськом. Хармиона впереди - с завязанными глазами, мы с тобой - за ней с открытыми, но наша задача в том, чтобы не коснуться ни черного, ни белого - как по канату. Улавливаешь ?

КЛЕОПАТРА: Не хочешь ли ты сказать, что мы можем ею управлять, а она слепа из-за того, что как и мы, не может видеть изнутри собственную ситуацию... "Легко давать советы другим, но не себе". В этом долг нашей мудрости по отношению друг к другу. Наша задача - чуть-чуть подправить. Хотя дорога к двери на пьедестале, за которой радужное сияние любви и царства света - прямая и одна... Бог - это любовь. С этой дороги не свернешь... Хотя она – дорога опасная, дорога по канату.

ИРА: Ну да, не свернешь ! Кого-то страх отгонит от прямой дороги... Страх – самое сильное человеческое чувство. Кого-то жадность поманит. Кому-то просто лень. Вот так, слепец, ринется в сторону, а не понимает, что его просто дразнят или пугают. Дёрнется к краю пути, а там – вместо трофея пустота. Бах – в пропасть, не удержал равновесия. Или наоборот – шарахнулся от пугала в сторону, тот же итог. Вниз.

ХАРМИОНА: А мне можно сказать слово ? Вы всё так хорошо обсудили. Я не знаю, где сейчас мой герой. Он исчез, едва назвав своё имя, и только осколок зеркала Снежной Королевы выпал из моего глаза, только я заплакала от тепла и счастья, которое, как большой лохматый пёс с добрыми глазами лизнуло мне руки шершавым языком, он исчез. Мелькнул, а я так и осталась стоять, оглушенная волшебством, растерянная от невозможности чудесного видения, не успела окликнуть... И в какой туман мне сейчас кричать его имя ? Откуда ждать голубя с весточкой ? С войны ли, с дороги, из-за соседнего дуба, что раскинул смеющиеся ветви от моей наивности, нетерпения и неверия... Можно, я скажу ? Цезарь, покажи мне его, покажи, кто был он там, среди блестящей колени твоего Млечного Пути, скажи, где мы с ним встретились... Как его звали там, как теперь, или иначе, или так же безнадежно, в обнимку со слезами

горюющей подруги, я ждала его... И был ли он ? Если хоть видение, хоть одно слово добра я услышу из твоей египетской песни от него, воина, героя в блестящих доспехах, я поверю в чудо на земле. А для подруги моей, царицы Египта, я прошу... Будем справедливы. Любила ли она тебя, ответь ?... Картинку прошлого, как розу, я к сердцу приколю...

Хармиона плачет. Ира успокаивающе кладёт ей руку на плечо. Клеопатра молча разглядывает вино в бокале. В затухающих лучах тают очертания трёх ведьм-сестер за столом на кухне московской квартиры. На сцене - только Цезарь.

Цезарь:

Дня торжествующий праздник солнцем столицу Египта
Залил, сверкали как звезды, очи прекрасной царицы.
Вечная юность светилась в утреннем взоре победой.
Падали с царского ложа волны шелков драгоценных,
Брошена наземь корона, ночью забыта небрежно...

Прожектор, направленный на Цезаря, гаснет. На сцене появляются Руфио и Хармиона.

Хармиона: Руфио, что ? Получилось ?

Руфио: Это спроси у Венеры...

Хармиона: Как, неужели царица...

Руфио: Цезарь делил с нею ложе.

ХАРМИОНА:

Я бы смирилась и с этим, но есть ли толк в этой жертве?
Ночью в ковре, к полководцу, позже скандал из-за библий,
Что пострадали в пожаре, римским отрядом зажженном.
Ладно, пускай, фараона, мужа ее, Цезарь выгнал.
Отдал ей трон Птолемея. Сам чуть галер не лишился.
Хлеб и другие товары Рим у Египта скупает.
Сделали все, чтобы деньги шли Клеопатре потоком.
Два легиона, не много ль, будут стеречь ее тело.
Цезарь ее развлекает, письма ей пишет, советы,
Сам же потом их относит. Что еще надо, не знаю...

РУФИО: Плохо ты знаешь царицу. Может быть, Цезарь в постели...

ХАРМИОНА: Думаю я, чем бы только... Хочешь, треногойогрею,
Или светильника масло вылью тебе за тунику ?

Незаметно появляется Клеопатра. Прячется за шторой. Слушает.

Руфио: Эй, ты потише кусайся ! Злючка, и сторож отменный,
Может, с тобою мы тоже мир заключим нерушимый,

Сильные мира примером могут служить своим слугам !

ХАРМИОНА: Нет, не хочу ! За седины Цезаря любит царица,
Ты же, как свежий папирус - ни написать, ни разгладить.

КЛЕОПАТРА: Не помешала беседе ? Можно мне вас потревожить ?

РУФИО и ХАРМИОНА (вместе) - Слава царице Египта !
(опускаются на колени)

КЛЕОПАТРА: (патетически) - Дети мои !
Не за пепел, что на висках полководца
Осени песню играют, любит героя царица.
Впрочем, забудь слово «любит».
Цезарь мне отдал Египет. Я подарю ему сына.
Сила востока и мудрость Рима его увенчают.
Вот вам мечта Александра ! Станем империей править.
Той, что и солнце не сможет взором до ночи окинуть.
Индия, Галлия, скифы, дикие черные страны,
Рим величавый, британцы, хитрый народ иудейский,
Горы, песчаные реки, волны морского простора,
Все покорится младенцу, что я под сердцем лелею.
Грохот его колесницы зависть глухую пробудит
У покорителя персов, у македонского князя.

ХАРМИОНА: Ну и дела ...

РУФИО: (про себя) Фантазерка. Кто же такое допустит...

КЛЕОПАТРА: (в той же манере)
Сын Клеопатры и Рима будет прекрасен как я вот,
Непобедим, как родитель, Цезарь. А лет через двадцать
В храмах воздвигнутых нами к статуям из алебастра,
Или чего подороже, - золота, скажем, иль яшмы,
Тем, что нас вместе покажут, будет дары непростые
Полными чашами сласти: или нектара, иль яда славу нести.

ХАРМИОНА: Все понятно. Значит, его ты не любишь.

КЛЕОПАТРА: Ты поняла. Я довольна. Не для любви он мне нужен.
Для государственных целей. Ну а пути...

РУФИО: Но могла бы Цезаря ты полюбить ?

КЛЕОПАТРА: Руфио, милый, мужчину может любить Клеопатра.
Он - только Цезарь. Не боле.

ХАРМИОНА: Значит седины и опыт здесь ни при чем?

Отняла ты прыть у меня в перепалки с милым вступать.
Ну а скажи, если б Риму ты отдалась и достигла
Цели господства над миром, кто покорил бы тебя ?

КЛЕОПАТРА: Тот, кого видишь ты часто, и по кому так опасно
Бедной царице вздыхать. Он безупречно учтиво
Честь отдает, но в заговор только он руку запустит,
Тронется с места игриво конь боевой, и глазами,
Гонор смешав со слезами, словно с собой позовет.

РУФИО: Этот счастливек служит наверно, у Цезаря ?
Кем, полководцем, слугою, простым конвоиром ?

КЛЕОПАТРА: Не мучься. Я назову тебе имя. Запомни. Антоний.

ХАРМИОНА: Все не о том ты, служака... Жаден до сплетен ты нынче.
Нам о наследнике трона царское слово звучало !
Ты ж скудоумьем казармы лезешь за пазуху, словно
Старая ключница рьяно, брызгая желтой слюною
Нюхает простыни в чане с грязным бельем,
С умиленьем видя следы в них забав полуночных.

РУФИО: Вот осадила...

КЛЕОПАТРА: Не спорьте. Ссор здесь причины не вижу.
Это мой план, а не праздник. Это мой плен, а не счастье.
Будет ли так, я не знаю. Власть нас свободы лишает.
Что ж до любви, государям ей предаваться негоже.
Золото, блеск и награды дарим мы ветреным милым,
Только, увы, осторожность, часто царям изменяет.
Как отличить безыскусность, искренность взгляда и слова,
Жеста, от яда притворства, жадности страсти хвастливой
К блеску венца, а не взора, что под короной трепещет.
Нет, никому я не верю. Сердце, зажжется ли страстью ?
Властью взаимность куплю я.

РУФИО: Ты так прекрасна, царица ! В этих словах лести нету.
Их не купить у солдата. Ты мне хозяйка, люблю я
Нежно подругу твою. Жизнь и слава - все для тебя.
Так поверь мне. Трудно корону любить.
Ну а головку, ту что корона венчает ! Всякий поймет,
Тот, кто мужчиной родился, что незабудка пред ним.

КЛЕОПАТРА: Это сейчас !
А сквозь годы, пыль затвердевших столетий.
Вижу предательства пути. Чую измены отраву.

Подлый покой мой любимый мне предпочтет.
Слезы и кровь моих ран, капли стекают по кисти,
Страсть и испуг, и обман, золото вянущих листьев.
Все он остывшей рукой, той, что мне кудри ласкала,
В мусорный бак загребет, слабый, в погоне за властью.

ХАРМИОНА: Будь же он проклят тогда, в тлен обратят его боги.
Сытость, покой и мечта - станут пусты и убоги.
Ангелы тьмы и звезда, демоны света и бездна -
Мести на помощь придут.
Камнем тюрьмы сквозь года все облекут.
Безызвестность будет лупить его в лоб,
Лишь он приблизится к краю,
Скользких колодца краев, вечно за подлость карая.
Тенью спускаясь с небес, солнечный свет убивая -
Будешь ты тканью завес, рубищем ада и рая...
Ты для него пелена, сторож кошмаров полночных.
Станет он гнилью со дна. И одинок будет точно.
Свет гаснет. На сцене - один Цезарь.

ЦЕЗАРЬ: Цели добилась царица, сына зачав через месяц.
Только любви от нее мне не досталось и капли.
Слух ученицы прилежной долго я мудростью тешил.
Твердо уроки мои помнила Нильская змейка,
Жаль, что минувшие дни нам не вернуть...

Свет на сцене медленно гаснет. Звучит музыка. Спустя некоторое время прожектора снова начинают загораться, выхватывая из темноты участниц спиритического сеанса. Клеопатра, Хармиона и Ира уже в современных одеяниях медленно обозначиваются в постепенно нарастающем свете прожектора. Ира зажигает свечу. Прожектор гаснет. От ее свечи Клеопатра и Хармиона подпаляют фитили своих свечек. Втроем хором: "Спасибо, великий Цезарь".

КЛЕОПАТРА: Получается, вам утешить меня нечем. Вести из прошлого ! Нате. Ну, и что мне теперь делать ? Наш общий друг действительно погнался за властью, надеясь таким образом сохранить свое видимое спокойствие и благополучие. Только там, куда он так стремится, слишком темно. Там сплошная ложь. Как странно... Ведь чем мрачнее туча, тем быстрее она разорвется молнией на тысячу кусков и опрокинется на землю опустошительным ливнем, которой напоит деревья. Снова засияет солнце, снова теплая нега света обласкает истерзанные ураганом ветви, но тучи уже не будет. Как бы ни была грозна ее могучая сизость, она погибнет. Как он мог поверить туче ? Как он мог предать меня ради нее ?

ИРА: Не в этом дело. Там, куда он ушел, действуют те силы, которым ты не по зубам. Они тебя в свою веру не обратят никогда. Потому что ты можешь оценивать и анализировать, тебя не подкупишь, ты воспитана в духе профессиональной и человеческой чести. Дурака всегда назовёшь дураком, лицемера и взяточника или вывернешь наизнанку, или высмеешь. В тебе нет страха. А в твоём милом, уж прости

меня, есть. А знаешь, почему? Потому что он не стоит твёрдо на ногах. У него нет за душой таланта. Твой любимый – ещё не известно, как поступит, когда окажется перед выбором. Честь или карьера? Гордость – мужская, профессиональная, или пост отставной козы барабанщика? Не известно...

КЛЕОПАТРА: А ты жестока.

ИРА: Правда сладкой не бывает. Ты одурманена любовью, а нам со стороны виднее. Он предал тебя ради карьеры. Но фокус в том что он там им не нужен. Он слишком слаб для них, им он не интересен, поэтому им и не жалко использовать его один раз как пушечное мясо. Он и рухнет вместе с обломками и погибнет под ними. Вот тебе ответ, какова будет расплата за предательство. Он не понимает этого, потому что для него это последний шанс реализовать себя, возвыситься и прежде всего над тобой. Потому что бездарен. А ты – личность. Ты пишешь так же легко, как дышишь. А он умеет только угождать начальникам, он в творчестве не состоялся. Вот и хочет стать чиновником, если не получилось стать личностью. Наверх, быстрее, задыхается... Он думает, что станет фигурой. Чушь. собачья. Зеркало его победы - это ты. В твоих глазах он хочет прочесть покорность и восхищение. Перед тобой он хочет проехать триумфатором на белом коне, чтобы ТЫ, даже ТЫ склонила голову и признала его победу над собой. Он ведь не может бросить к твоим ногам царство, хотя хочет этого. До сих пор ему это не удавалось. Все остальные женщины для него – что диванные подушки. А ты навсегда останешься для него единственной на свете. Слышала слова Хармионы ?

ХАРМИОНА: Что-то там про солнце. Вроде того, что он как ослепший теперь куда ни посмотрит, везде на глазах бельмо, как от ожога лучами. Или что-то в этом роде...

Дамы пьют по третьей стопке водки. Хармиона, брезгливо морщась, вытягивает из банки огурчик. Клеопатра задумчиво вертит стакан с соком.

КЛЕОПАТРА: Ну, допустим... Он предал меня ради карьеры, потому что там, куда он так рвётся, нужна чистая анкета. Никаких побочных связей. Верноподданнические чувства и супружеская верность. Даже если это всё прогнило насквозь, видимость...

ИРА: А ты как думала? Там такие правила игры. Если бы те, кто сидит в кабинетах, были бы настоящими мужчинами, а не подкаблучниками и импотентами, в стране было бы всё по-другому. Представь, появится среди них мужик, который любит молодую, который послал куда подальше старуху свою с её разбитым корытом...

ХАРМИОНА: Тем более, что семеро по лавкам не плачут. Дети давно выросли и у них уже семьи свои.

ИРА: О, в точку! Так вот, представь... Если появляется среди них тот, кто способен на поступки, на неординарные решения, НЕ ИМПОТЕНТ... Это же угроза для остальных. Значит, он разгонит всё это сборище паразитов, сломает привычные правила игры.

ХАРМИОНА: Коррупции, воровства, взяточничества, лицемерия. Подхалимажа и всеобщего одобрямса.

ИРА: Вот почему чиновники берут к себе только сереньких, слабеньких, послушных. А тех, кто живой, эти черви гробовые просто боятся. Передавит.

КЛЕОПАТРА: Если тебя послушать, выходит, что как только он освоится в кресле начальника, тут же ко мне снова прибежит... Так? Но не забывай, я тоже замужем.

ИРА: Ты только нам не ври, замужем она!

КЛЕОПАТРА: Паспорт показать?

ИРА: Во-во... Печать есть, а что за ней? Ты так же замужем, как он женат. Фальшиво. Муж твой... Ты его терпишь, хотя когда-то, до появления нашего героя, серьезно считала, что лучшей пары тебе век не сыскать. Здоровый, сытый, умный самец. Ну, иногда с цепи срывается. Так сама виновата, давала повод для ревности. Я удивляюсь, как он вообще тебя не убил. А на Руси бабы как рассуждали издревле - бьет, значит любит. Что, скажешь, не так ?

КЛЕОПАТРА: Так... Стоит ему зубы показать – голову в лапы, хвостом пол метёт. Хотя его трудно назвать тряпкой.

ИРА: Правильно. Помнишь анекдот? Кто может командовать генералом? Только медсестра запаса.

ХАРМИОНА: Ещё у Дюма было. В графине де Монсоро. Мужчина, которого боятся другие мужчины, страдает от женщины.

КЛЕОПАТРА: Если любишь – можно вытерпеть многое. Но жить с тем, кто тебя любит, а ты – нет, нестерпимо. Невыносимо. И стыдно, и обидно. И непорядочно. Нежность его противна, забота его раздражает. Ложь как грязь липнет. Вымыться хочется. Честнее сказать – всё, хватит... Не могу больше. Но я не имею права. Я жду ребёнка от моего Антония. Да, так получилось. А ребёнку нужен отец, какой бы он ни был. И я терплю.

ИРА: Ты сама сейчас себя слышала?

ХАРМИОНА: Золотые слова... Ребёнку нужен отец. А не отчим.

КЛЕОПАТРА: Отец даже не знает, что он отец. А отчим будет отцом. Хотя для меня лично... Если супруг мой на моем горизонте больше не появится, я и не охну. Если пойму, что роль воспитателя он не потянул, прогоню за милую душу. Денег, правда, меньше, зато проблем с глаженьем шнурков не будет никогда. Этот мне нужен только для анкетных формальностей.

ХАРМИОНА:

Какая глупость.... Просто зеркальная ситуация с тем, что у твоего любимого. Брак ради анкеты детей. А что для ребёнка важнее – анкета или честность в семье? Будем лицемеров плодить, чтобы они нормой считали, мама папу терпит, а папа от мамы

лицо воротит? На счёт твёрдой мужской руки для воспитания твоего Цезариона – не беспокойся... Вон, мой ненаглядный в соседней комнате храпит. Воспитывать наследника мы будем втроем, а не твой супруг, чужой ему человек. А у тебя теперь руки развязаны. Ты свое предназначение на Земле выполнила, можно и о себе подумать. Теперь что касается той семьи. Антония. Ответь мне на вопрос - если ты своего мужа не любишь, жить с ним не хочешь, с кем ребенок будет? С тобой или с ним ?

КЛЕОПАТРА: Глупый вопрос. Со мной, с вами... И вы его обещали нянчить.

ИРА: Правильно. А внуки обычно сидят с бабушками. Если бы бабушки не цеплялись за молодых дедушек, если бы не унижались ради статуса замужней дамы, в стране не было бы проблемы с демографией. Мужчина в пятьдесят ещё в самой силе, а женщина – цветущий кактус в менопаузе. Ладно бы она была как в старину на его шее... Так нет. Ей моральные алименты подавай – я тебе всю жизнь отдала... А не будешь при мне – с детьми поссорю! А он смотрит на неё и думает – если предложить ей отступного алименты как за дитё малое, перестанет орать?

ХАРМИОНА: Мы, конечно, не арабы. Гаремы нам ни к чему. Но в идее доктора Геббельса на счёт стимулирования вторых браков был резон. Там бывших жён, как у твоего ненаглядного, государство урезонивало.

КЛЕОПАТРА: Бывших?

ХАРМИОНА: А как же ! Она стала для него бывшей с того самого момента, как он встретил тебя. И как бы он сейчас ни дергался, ни воображал себе какой-то семейный долг, это как под бинтом гнилые раны прятать вместо того, чтобы их лечить. Дети, они всегда всё чувствуют и знают. Ни один ребенок никогда не был счастлив, глядя на взрослых, которые ненавидят друг друга. Помнишь слова моего сына "Мама, когда мы купим нового папу ?". Бутафория это, а не семейная жизнь. А главное, если такая ситуация уже есть, его жена от злости тоже может попытаться вызвать его ревность и, как следствие, обострение чувства собственника. Только это нам на руку. Вода камень точит. Женщина может ради ребенка простить измену любимому мужу. Мужчина нелюбимой жене - никогда.

Ира берет бутылку и разливает очередную порцию. Ставит на стол сковородку с яичницей с помидорами. Вручает подругам по вилке. Дамы выпивают под горячее.

КЛЕОПАТРА: Очень красиво у вас все это получается. А мне-то он простит? Хотя бы то, что пользовалась законным супругом как конурой, когда меня побили...

ИРА: Конурой... Ты сама понимаешь, что говоришь? Он, Антоний, сейчас как машинист паровоза, бедняга, в саже по уши, в поту и в пыли парится, чтобы тебе, звезде небесной, показать, что он вырвался из неудачников... А если ты отцом ребёнка назовёшь не его, настоящего, а твоего законного супруга, то тут ему, бедняге, хоть в петлю. Всё напрасно. Неужели ты думаешь, он не захочет убедиться, чей твой малыш?

КЛЕОПАТРА (мрачно): Мой малыш – мой...

ХАРМИОНА (со стоном): Логично. Твой и духа святого. Мне уже надоело тебе объяснять прописные истины. Любой мужик – собственник. Помнишь, в старые времена сатирик какой-то рассказывал... Пока кошка сидит, собака вялая. Кошка на дерево – собака за ней, шерсть дыбом, в глазах интерес. Так вот...

ИРА: Короче, как только он узнает, что ЕГО сын может стать сыном другого мужика, примчится моментально, чтобы не отдать своё в чужие руки. Чтобы все на него пальцем не показывали – вот, мол, Клёпа-то, с тобой поиграла, а на самом деле у них с мужем красота и благолепие.

КЛЕОПАТРА: Вам не кажется, что вы уже зарываетесь?

ИРА: Не наливай ей больше...

КЛЕОПАТРА: Ладно, сменим тему. Честное слово, надоели! Мне ваш неукротимый оптимизм уже до этого... Знаете, была я тут давеча на премьере у Витторгана. И что вы думаете? В коридоре нарисовался этот наш... бывший. Любитель пчёлки. С охраной и при супруге. Узнал меня. На мужа моего покосился, видимо, принял его за телохранителя тоже. Рожа-то у моего супруга соответствующая. И пиджак сбоку топорщится. При оружии... Так что от моего муженька иногда бывает польза.

ИРА: Ну ?

КЛЕОПАТРА: Сближаемся, как два ракетных крейсера в Гудзоне. Тормозим. Улыбка до ушей. Поздоровались, он же меня помнит. Жена его мое платье с ног до головы изучила. Ну, то... Золотое. Дежурное театрально-свадебное.

ХАРМИОНА: За восемьсот долларов ?

КЛЕОПАТРА: Это в столице нашей родины нечто из той же стаи можно оторвать за такую сумму. За шестьдесят. Купила на распродаже в Потомак-миллз, это брахолка такая около Вашингтона... В уцененных товарах. Потом поняла, почему. Там один шов около молнии чуть-чуть рваный был. До сих пор плачу от радости. Я разницу в ценах уже раз восемь пропила.

ИРА: Опять они про шмотки... Так чего он, пчеловод наш, разве не в Австрии?

ХАРМИОНА (глядя на Клеопатру, которая уже сидит, подпирая рукой щёку): Она не про то хотела сказать. Не наливай ей больше... Наглость какая, а? Величайший коррупционер разгуливает по городу под руку с пиявкой, которая из него высосала свои миллиарды. Где такое видано? В Англии за государственный счёт лужайку министр какой-то подстриг у себя в резиденции, так всё правительство в отставку. В Америке чуть что – арестовывается имущество, блокируются кредитки. Это даже в кино показывают. А наши воруют и будут воровать до тех пор, пока знают – им только до Шереметьева добраться. Шито-крыто, все молчат. Все молчат, кто сколько своровал, кто с кем спит... Ведь жена хранит взятки. А любовница для души.

КЛЕОПАТРА: Молодец, возьми с полки пирожок. Тебе бы в Думу. На трибуну.

ИРА: Да уж. Отрастить себе особняки в Альпах – это ещё что... Кто без греха? Но плюнуть в душу целому городу, когда мы тут в чаду задохались. Вот он, образец для подражания. Те, кто помельче, должны у него поучиться. И милый твой тоже.

ХАРМИОНА: Хватит!.. Ведь уже решили закрыть тему? Последнее скажу. Проклятие слабых сильнее могущества сильных. И каждая слеза, пролитая несправедливо обиженным, как кислота прожжёт их доспехи. Их здоровье. Их планы. Это закон.

КЛЕОПАТРА: Гитару-то, гитару зачем на пол бросили... Если ее пивом облить, еще тот звук будет. Смутное время, смутное... Устала я, девчонки. Мой милый сейчас чего возбудился? Надеется, что новая метла ему место освободит. Но только зря. Было бы болото, а лягушки напрыгают. Потенциал нужен... Потенция. А у кого потенции нету, тому с подругой жить. Любовница от слова любовь. Супруга – на недоуздок похоже. Помните, что было в девяносто седьмом? Приехал Майкл Джексон. До того был он в Лужниках за две недели до путча и черной гари на белых, совсем белых стенах. А сейчас отбеленный кумир уже умер, так что ничего кардинального не случится. Ну всё, милые мои... Если мы хотим погадать ещё этой ночью, надо протрезветь хотя бы наполовину. Спать всем на час...

Клеопатра задувает одну за другой свечи. Ира уже спит, опустив голову на руки. Хармиона в раздумье насилует зажигалку. Прожектор выхватывает из угла сцены сидящего в кресле Цезаря. Цезарь, глядя на Клеопатру, с укором качает головой. Улыбается слегка. Обернувшись к публике, медленно подносит к губам палец в знак молчания. Прожектор гаснет. Занавес.

Конец 1 действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На сцене в лучах светомузыки - подобие дискотеки. Клеопатра и Руфио отплясывают под latinoамериканскую ритмичную мажорную мелодию. В стороне - Ира разговаривает с Цезарем, издали за всем этим наблюдает Антоний - сидя на стуле в углу сцены, он курит и сердито поглядывает на танцующих, движения которых становятся всё более страстными.

КЛЕОПАТРА: Хватит, пойдем поговорим. Ты своё дело сделал... С нас не сводят глаз. А разговор мой вот в чем. Помнишь ли ты прошлый май, шальную Москву, душистый вечер на автобусной остановке... А потом на пригорке ты сушил носки. И женщина с синими глазами и чарующим голосом, которую ты назвал своей мечтой...

РУФИО: Как ты нашла меня ?

КЛЕОПАТРА: Ты не забывай, с кем я сюда приехала. Моя подруга не знает, что я скопировала сюжет из «Москва слезам не верит». "Георгий Иванович, слесарь высшего разряда, познакомились в электричке..." Найти тебя было несложно - ты серб,

монархист, архитектор. Год рождения свой ты ей успел назвать. Имя – Зоран. Ехал на работу в этот сибирский город, всё совпадает. Кроме взлетно-посадочной полосы, которую здесь с помощью югославов никто реконструировать не собирается. Пристала я к местному губернатору, к мэру - вынь да положь. Как они мне откажут в таком святом деле...

РУФИО: Да, мир тесен.

КЛЕОПАТРА: Это не мир тесен, это прослойка тонкая. А помнишь...

РУФИО: Ты всё знаешь, что между нами было?

КЛЕОПАТРА: Не всё. Главное. Помнишь, как она шла, уткнувшись, как в самое родное, тебе носом в подмышку, и славя такое чудо, недоумевала, почему ты не обращаешь внимание на молодых девчонок... Длинноногих, с улыбкой до ушей и серёжками в голых животах. А ты, задумавшись о своей "строилке", даже не сразу понял, о чём она спрашивает. Усмехнулся и вдруг почти с гневом выговорил ей... Мол, сумасшедшая, если не понимает, что тебе нужна только она. А потом рассказывал, мечтал до упоения, как однажды сладким ароматом осенних роз будет окутан твой родной дом среди багряно-зеленых холмов чуть южнее Белграда. Как прекрасна будет дорога в твой щедрый край, куда за руку ты приведешь ее... А потом...

РУФИО: Прошу тебя, не режь мне душу!.. Сказка была такая – там девчонка разбойница оленю по шее ножом водила для забавы. Я всё понял... Эй!.. А что это за парень так на тебя смотрит, он мне не нравится... Он что-то хочет от тебя, скажи ! Я хочу, как это по-русски, начистить ему морду...

КЛЕОПАТРА: И не пытайся. Моя цель - чтобы он сам набил себе морду... Его не бить надо, а заставить заслужить моё прощение.

РУФИО: А мне надо заслужить прощение твоей подруги... Что мне делать, скажи ? А ты сама на Библии можешь мне поклясться, что я еще жив для нее ?

КЛЕОПАТРА: Во-первых, запомни на будущее... Выигрывает тот, кто умеет ждать. Все сложные задачи, как правило, имеют простое решение. А если простого решения нет, или не получается, как ни бейся, значит, не пришло время. Оно меняет параметры, и тогда ответ сходится. И теорема доказана. Понимаешь, что хочу сказать, ты же архитектор? Не складывается мозаика, не получается проект... Так бывает!

РУФИО: Да, бывает... Диалектика. Я понимаю. Но женщина может не понять!

КЛЕОПАТРА: Баба не поймёт! А женщина попытается понять или простит сразу. Была такая дурная реклама, где главное – марка зубной пасты, а чистить зубы можно пальцем. Важен итог, а не слагаемые. Всё будет так, как предначертано! Сначала ты не мог с ней наладить контакт из твоей глубины сибирских руд потому, что был скован по рукам и ногам как цепями неустроенностью. Ты рвался между выполнением контракта с нашей строительной фирмой и необходимостью вернуться на твою воюющую родину,

не зная, что с твоей семьёй. Потом, когда узнал, что там твой дом разбомбили, когда тебе было негде жить, ты бы решился прийти к ней как бездомный? Нет... Стыдно быть для любимой женщины обузой. Встал на ноги, поселился здесь. Твоя дочь уже по-русски говорит без акцента, для неё нашёлся жених экскаваторщик. Вот сейчас бы и вовремя? Ты стал звонить моей Хармионе домой, но номер успел смениться, а подошедшего к телефону мужчину ты принял за...

РУФИО: Я подумал, что она меня забыла.

КЛЕОПАТРА: Не надо думать за женщин. Часто даже не надо верить в то, что мы вам говорим. Женщине можно верить только тогда, когда она что-то делает. А ты так быстро сдался, стыдно... Искал её на работе - она была в отпуске. Это стечение обстоятельств, что твоя куртка промокла тогда, когда на стройке была авария, и что записная книжка с её номером оказалась в луже. Почему, знаешь? Потому что тебе надо было получить телеграмму из Белграда, что твоя Марианна вышла замуж за хорвата. Значит, возвращаться больше некуда. И не надо рваться между двух огней. Любовью в Москве и супружеским долгом в Сербии. Когда это произошло?

РУФИО: Я не помню точно... Месяца два прошло.

КЛЕОПАТРА: Вот видишь. Значит, я появилась вовремя.

РУФИО: Двенадцать лет прошло с того вечера, как я... Носки сушил. Не могу поверить, что она... До сих пор верна мне. Так не бывает. Сольвейг – это легенда.

КЛЕОПАТРА: Сольвейг – да. Но любовь – это единственная реальность. Всё остальное – декорации. Без любви нет жизни. А без жизни не нужны ни карьера, ни что иное.

РУФИО: Что мне делать?

КЛЕОПАТРА: Ждать... Ты ждал так много. Осталось совсем чуть-чуть. И верь мне.

РУФИО: Я думал, вернусь, приду на ту же остановку... Сяду раз, подожду - два. Увижу, узнаю... Узнает ли? Сам не окликну.

КЛЕОПАТРА: Даже самый сильный мужчина пасует перед женщиной, боится... быть отвергнутым. Это её слова, не мои. Понимаю тебя. Ты не решаешься позвонить ей первый, хотя я тебе дала телефон. Ты боишься услышать ее холодный голос, не видя ее теплых глаз, не протягивая ей теплых рук. Ну да будь по-твоему. Я помогу вам. Не полагайся на волю случая на остановке. Не май месяц! Я устройю вам встречу. Таковую, что сомнения и страхи, что она тебя похоронила, исчезнут как дым. Она любит тебя до сих пор, и я тебе это докажу!

РУФИО: Ты мудрая. Я люблю тебя, сестренка. Пусть будет всё так, как ты задумала. Погоди, а принесу тебе выпить, отметим...

Руфио целует руку Клеопатры. Его последние слова слышит незаметно подошедший сзади Антоний. Руфио встает и уходит. Антоний что-то говорит на ухо Клеопатре, явно со злостью. Она отвешивает ему звонкую пощечину. Уходит. Антоний пару секунд оторопело смотрит ей вслед. Со стоном вставляет в зубы очередную сигарету, подходит к Ире и, решительно потянув за руку, увлекает в сторону рамы. Сцена постепенно темнеет. В лучах прожектора появляется Хармиона, она медленно идет к столу на все той же кухне городской квартиры, где шел спиритический сеанс. Садится, задумчиво тасует колоду карт. Входят, хихикая, Клеопатра и Ира. Застывают, наткнувшись на пристальный взгляд Хармионы.

ИРА: А ты чего, так и не ложились ?...

ХАРМИОНА: А теперь скажи, почему ты врезала ему по физиономии? Ведь ничего не сделал, только подошел. Еще немного, и я возьму его под свою защиту...

КЛЕОПАТРА (изумленно): Кого?

ХАРМИОНА: Нет, но как вы плясали... Ну ладно он, бедолага наивный, но ведь даже я поверила!.. Очень достоверно, очень... Скажи пожалуйста, а не собирается ли кто-нибудь из великих в ближайшее время взять тебя с собой в Сибирь ?

ИРА: По этапу, что ли...

КЛЕОПАТРА: погоди, я кажется начинаю догадываться. Ей приснился страшный сон. Ласточка наша, перевернись на другой бочок, добрый гномик и сверчок тихо песенку споют... Видишь ли, загадывать ничего не могу. Мы, журналисты при правительстве, люди подневольные, куда скажут – туда и пакуем чемодан. Но вообще, исключать ничего нельзя. Нефтегазоносные районы великих сибирских просторов всегда интересовали высшее руководство нашей страны. Как правило, вышки они нюхают в присутствии представителей средств массовой информации. Конкретно, какие командировки планируются на ближайшее время, я тебе сказать не могу, потому что сама не знаю. Что приснилось-то, колись !

ХАРМИОНА: Не-а... Это мой сон. Я хочу, чтобы он сбылся. Сестренка... Зараза!

ИРА: Я вам не мешаю, нет ?

КЛЕОПАТРА: А что бы ты сделала на моем месте?

ХАРМИОНА: Не имею ни малейшего понятия. Я вот тут сижу, пасьянс раскладываю. Валет червей, пятерка треф, потом пиковый марьяж - ого ! Вознаграждение за потерянные силы в период романтики и безрассудства, неизбежная ссора с благодетельной парой на почве несогласия по вопросам теоретической морали. Сердце успокоится... Что ? Гибелью корабля ?...

ИРА: Будь серьезнее. По-моему, для нашей царицы нет ничего невозможного. Она подарит тебе то, что хочет подарить. И единственная сила, с которой она никогда не сможет справиться, это она сама.

КЛЕОПАТРА (после паузы, печально): Послушай, я всё же не понимаю... Мама, мамочка, ну почему всё так плохо кончилось ? Ну, неужели я обманывала сама себя? Как можно было всё так забыть? Если я до сих пор люблю его, если для меня жив каждый миг, каждое слово - правда, неужели он забыл меня... Я не могу в это поверить. Как же можно так легко умножить всё на ноль ради какой-то благонадёжности при проверке при приёме на работу, если я видела его глаза... Сияющие и счастливые. Если я слышала, как колотится его сердце, как меняется от волнения голос. Если я чувствовала его страсть и его страх, что я сейчас развернуть и уйду... Так же не бывает! Можно сыграть голосом, можно придумать слова, можно натянуть улыбку, но слёзы в мужских глазах подделать нельзя!.. И тем не менее он предал меня. Он заплатил мною за свою карьеру, точнее, за призрак её. Помогите мне ! Иначе зачем мне это свет, эти звезды ? Как можно было обречь и себя и меня на бесплодный ряд унылых веков. Без любви я иссякну, засыпьте землей высохший колодец и пусть над ним кружат грифы. Как можно было променять любовь, которую благословили темные звезды чужого неба, пощадили грязь и пыль людского горя, подняли до небес ветры желания, на одобрение отдела кадров? Я задыхаюсь. Я ведь вам не всё рассказала... Когда я ему звонила в последний раз на его служебный телефон, он...

ИРА: Что он?

КЛЕОПАТРА: Он кому-то сказал, видимо, разговаривая по мобильному, «ну пока, целую...». Мне он запретил ему даже СМС слать, так как, видите ли, сейчас во время кадровой проверки это его может скомпрометировать. А кого-то целует! Мне сказал... Это товарищ. Товарищ... Мужчину он по телефону целовать бы не стал. Подлец.

ХАРМИОНА: Вот глупость-то...

КЛЕОПАТРА: Я ничего не хочу, я не могу сбежать от самой себя - накройте меня чем-нибудь твердым и тяжелым... Президент, где ты ? Где твоя красная кнопка - пусть гибнет всё. Зачем я живу, мучаюсь и мучаю тех, для кого мои страдания стали ежедневной пыткой. Чем я заслужила это ? Разве не старалась я ободрить усталых и спасти отчаявшихся... Если страданиями совершенствуется душа, то моя должна приобрести силу кристалла, я же не видела счастья за разницей тех минут, которые мы были вместе, и за которые я платила неделями горя... Самый страшный грех - это отчаяние. Но страшнее всего отчаяние моё - бездна выжженной души сильной и опасной... Неужели нет мне погребели ? Убейте, или дайте жить. Не могу, не могу больше...

ХАРМИОНА: Плачь... Смирись. Не с разлукой, нет ! Не с потерей, нет. С ожиданием, всего лишь. Дай ему возможность очиститься. Вы оба на пути своей судьбы делаете петлю. Не хочу тебя расстраивать, но ваша встреча НЕИЗБЕЖНА. И не мимолетное свидание, а воссоединение. Чтобы понять, что друг без друга вам не даст жить закон мироздания, вы должны немного пожить врозь... Чтобы почувствовать пустоту друг без друга. Чтобы цепь, что вас связывает, натянулась до предела и изранила вас зубьями строгих ошейников.

ИРА: А на счёт этого поцелуя... Какая глупость! Это, действительно, поговорка такая. Он мог тебе признаться, что целует взрослого сына или дочь? Ты же к ним ревнуешь... Он просто растерялся. И сморозил глупость. Забудь. Об этом даже говорить не стоит.

ХАРМИОНА: Песочные часы... Песок Египта. Он сухой, он бежит быстро. А если его мочить слезами, как ты сейчас, процесс затормозится. Так что успокойся. И жди.

ИРА: Она не слышит нас. Какая горечь в этих слезах... По-моему, для неё сейчас слово «жди» хуже плётки. Она думает только о своей боли и утешения ищет в мыслях о мести. Только не мсти, девочка, не повторяй прошлых ошибок. Что в мести, кроме яда, который пробуешь сам... Цезарь, о Цезарь ! Помоги... Научи, помоги, ответь на вопрос, почему ей так больно ? Заклинаю тебя силами Неба и волн морских, глуши подземной и хрустальных вершин содроганьем, покажи мне самый страшный день царицы Египта !

Ира подходит к окну и наливает в глубокое блюдо какой-то горючей жидкости. Вспыхивает синее пламя. Протянув ладони к огню, две ведьмы произносят вполголоса непонятные заклинания. Клеопатра сидит неподвижно, последние слезы застыли на ее щеках, расширившимися глазами она смотрит на языки пламени. Ира подносит ей стакан с каким-то отваром. Выплеснув несколько капель на пылающее блюдо, Клеопатра залпом его выпивает. Свет гаснет, в глубине сцены видны только синие языки пламени над колдовским блюдом. Появляется тень Цезаря.

ЦЕЗАРЬ:

Разум вселенной, боль затуши, пламя надежды, кровь иссуши.
Слабость и силу крепким узлом век угасающий свяжет потом...
Мне отвори первозданную даль, ревности глупость,
Смех и печаль...
Мудрый заметит - в немощи глаз разума светоч с солнцем угас,
Только ли тело знает жару, только ли губы пьют на пиру...
Только ли немощь лечит порок, только ли умный усвоит урок?
Спи, Клеопатра, душу укрой мягкой пушистой лиры игрой.
Слава царице, тысячи глаз нас с восхищеньем встретят не раз.
Прелесть нетленна, юность - пуста, мысль вдохновенна,
Глупость - проста...
Аксиум. Битва. Кто, почему ? Как проиграли эту войну ?
Спорят потомки. Хоры гремят. Истину только звезды хранят.
Может, наивна Цезаря речь. Только любимых надо беречь.

Палуба царской барки. За бортом - отблески пожара, звон оружия, крики сражающихся. Под парусом - широкий низкий стол, на котором расставлены макеты судов, для наглядности изображающих состояние дел в акватории битвы при Аксиуме. На сцене - Клеопатра и Хармиона. Входит Руфио, подает царице письмо.

КЛЕОПАТРА:

Что это, Руфио, вести ? Нет ? Как сраженье проходит ?

РУФИО:

Наши суда тяжелы, мощь их слоновья огромна,
Строен египетский флот. Этим быть можешь довольна.
Октавиан окружен, флагман его обескровлен,
Стрелы свистят и ножи, он еще жив, но условно.
Правда, в пучине морской юрки его флотоводцы,
Мельче суда, и порой трудно нам с ними бороться.
Ярко их барки горят, падают в море матросы -
Много их - в этом беда. Жалят и гибнут, как осы.

ХАРМИОНА:

Значит, сраженья исход не предрешен нам отравой ?
Звезды сказали мне так. Будет нам гибель иль слава ?

РУФИО:

Если все так же пойдет, мы их к заре передавим.
Главное : смело вперед. Не отступать. Не лукавить.

КЛЕОПАТРА:

Где же Антоний теперь ?

РУФИО:

В гуще сраженья, царица... Где ж ему быть.
Он - как зверь. Рубит, палит.

КЛЕОПАТРА:

А девица ?

РУФИО: (словно не слышал)

Зычным он гласом на бой смело зовет самозванца...
"Октавиан ! Ты со мной трусишь под небом сражаться ?"
Рушатся снасти, в огне гибнет металл, медь крошится.
Море от трупов бурлит. Солнце в дыму.

КЛЕОПАТРА:

Где девица ?

РУФИО: Это письмо было ей. Да. От него. Слабость. Немочь.
Горькую чашу испей. Но не губи. Это мелочь.

КЛЕОПАТРА (читает)

"Подарок мой в волшебной глубине
Парит лучом меж небом и землей.
Он только луч в узор на окне
Но так зовет тебя подарок мой.
Оставь шуту, богиня всех цариц,
Лишь ноты сна в молчании шагов...

(бросает письмо, закрывает лицо руками)

Нет, не могу больше !

ХАРМИОНА: Царица !

КЛЕОПАТРА:

Да, я царица, увы, где мне тягаться с богиней.
Сколько ей ? нет двадцати. Пусть в свои двадцать и сгинет.
Битвы, господство, венцы - он у царицы находит.
А как сглотнет леденцы - к юной блуднице уходит ?
Боек, как уличный кот. Пишет стишки, лижет пальцы.
Ну и дела, ну и скот. Как не всплакнуть по страдальцу.
Долго ль он с нею знаком ?

РУФИО:

Он подобрал ее в Газе...

КЛЕОПАТРА:

Славно. Дурак дураком. Скор. Как вода в

ХАРМИОНА:

Слушай меня, Клеопатра, царица Египта.
Можешь казнить меня после, но выслушай слово
Той, что всю жизнь твою мирит тебя с полководцем.
Любит тебя он всю жизнь, ты его мучишь, он терпит.
Если бы он не любил, стал бы терпеть ?
С Цезарем дружбу скрепив простыней белоснежной,
Ты получила в награду великое царство,
Долгий покой на мечях легионов из Рима,
Сладость богатства от лена восточных владений.
Где был тогда твой Антоний, ты вряд ли забыла.
В рваном плаще он для Цезаря варварской кровью
Плиты триумфа обильно кропил, незамечен !
Что же потом ? Цезарь умер, Антоний колени
Перед тобой преклонил, отправляя в Египет
Вместе с царицей прекрасной влюбленное сердце...
СВОЁ ! Ты ждала его долго. Отомстив, он приехал.
Вспомни ! Полмира тогда пред Антонием были...
Лавра венки, и рабы, и победные трубы. Золото, слава...
И ты, непокорная, злая. Бросил он всё и остался с тобою.
Как ты пила его кровь, ее с винною влагой мешая,
Сладость пиров и востока развратная роскошь,
Выбили мысли о Риме, о власти, жизни.
Ночи в любви, дни в пирах, в безудержном разгуле.
Вдруг, заскучав, ты его разбудила жестоко:
"Где твой венчик, ты кричала ему вдохновенно !
Я, Клеопатра, любила в тебе полководца.
Ты растерял свою силу, расслабился, спился,

Встань и сражаться иди. Вот Помпей, там - Октавий.
Миром я править хочу. Принеси мне корону.
Будешь по-прежнему киснуть - сошлю на конюшню."
Он потрясен. Взяв на память твой шарф, он уехал.
Пряча лицо, словно грязью его окатили.
Снова война. Снова мир, разделенный, убитый.
Мир - но не весь. Завоевано мало, Антоний !
Запад - Помпею, а в Риме сидит юный деспот:
Стыдно с победой такой подаваться в Египет.
На, получи ! Ведьма сладкая, Нильская змейка -
Что же мне делать ? Забыть о тебе невозможно.
Женится он, чтобы стать хоть наследником Рима.
Октавиан его долго склонял к этой роли.
Брак политический, скучный, бесплодный, позорный.
Всем было ясно, что он распадется и скоро.
Но не тебе. Ты бесилась, часы убивая, вместе с людьми -
Кровожадная ревность кипела. Оба страдали -
И ты, и Антоний несчастный. Он угасал, ты горела
Как факел среди ночи. Вдруг, о, удача, ему представляется повод
Снова с Египтом наладить контакт. И с царицей.
Наше зерно. Чтобы в Риме кормить легионы.
Шлет он гонцов. Ты их гонишь обратно босыми.
Новых посланцев велишь ты избить и ограбить.

КЛЕОПАТРА:

Ты из меня хочешь сделать Медузу-Горгону.

ХАРМИОНА:

Женщину ! Ту, что прекраснее нету...

РУФИО:

Ту, что поэты прозвали мечтою вселенной.
Ту, что умеет царицею быть и рабою
Вечной любви, что с Антонием их повенчала.

ХАРМИОНА:

Слушай же дальше зеркальную повесть служанки.
Плюнув на всё, дом постылой супруги покинув,
Бросился он на корабль. И понесся в Египет.
Гордость сломив, безоружный к тебе он явился.
Сутки сидел у дверей.

РУФИО:

Это правда, сидели мы вместе.
Я - с Хармионой. Антоний - один, как побитый.
Мы щебетали. Не шутка ль - два года разлуки !
Он нам завидовал молча, лишь только не плакал...

ХАРМИОНА:

Панцырь блестящий надев, постучать он решился...
Словно боялся, что ты его встретишь кинжалом.

РУФИО:

И получил.

ХАРМИОНА:

Из гробниц вековых запыленных
Трон фараонов умерших достала ты старый.
Трон золотой из нефрита, цены баснословной.
В руки - державу и плеть, Как на древних монетах.
Голову долго крутила, надела корону. Пуда на два.
А для большей остратки, дюжину скользких ужей
Распустила по полу, мол, я богиня, Изида, посмей мне перечить.
Воин вошел. Видит толпы сломленных волей Египта
Восточных владык. Ими слуг своих ты обрядила.
Змеи шипят. Розы пахнут. Глаза ты скосила.
"Что привело тебя к нам, о посланец далекого Рима..."
Он отвечает. Спокойно, достойно, с любовью.
"Если ты просишь, - царица ему отвечает, - стань на колени".
"Я, на колени ?!" "Клеопатру просил так и Цезарь !"
"Не за зерно...". "Вон пади". Опускается он на колени.
Злой, как собака, которую кости лишили. Ждет.
"Что ж, мольбу твою, римлянин, слышат уши мои.
Наша милость к тебе безгранична. Дам тебе хлеба.
Но прежде... Должен расширить ты наши немного границы.
Дай мне Армению в лен, Македонию, Сирию, Фивы,
Ряд островов - речь о Крите идет и о Кипре...
Можно Израиль, хотя не люблю иудеев.
Хватит пока, будет нужно зерно - торг продолжим.
Что, принимаешь ?" Антоний заметно сереет.
"Ты отбираешь у Рима две трети владений !"
"Треть оставляя ему, будь доволен и этим !"
Воин сглотнул. Покосился на трон драгоценный.
Сбросил ужа, что забрался ему в наколенник.
Встал. И пошел. Но вослед ему крик Клеопатры:
"Кто отпускал тебя ? Ты ведь на царском приеме !
Римским невежам напомнить о правилах тона ?"

РУФИО:

Остолбенел тут Антоний. Размазала, сбила.
Так издеваться... Да я б тебя точно, за шею в охапку, и в Нил...
И поплавай, пока не простынешь. Он же - стерпел. Значит, любит !

ХАРМИОНА:

Верно сказал, хотя хамства его не приемлю.
Меру ты в гневе своем потеряла, царица.
Жизнь ты сломала Антонию, что же ты хочешь ?
Он же мужчина, а ты с ним, как с нищей вдовою.
"Ладно, иди, ты отпущен", - ему ты пропела,
Словно хотела сказать - я тебя не доела...
В кухню поди. Надушись, искупайся в приправах, и возвращайся.

РУФИО:

И так всю жизнь. А теперь за кого он воюет ?
Все для тебя. Для единственной, дивной, волшебной.
Злой, неподкупной, кокетливой, странной, пугливой,
Смелой до страсти, красивой, безумной, жестокой.
Друг мне Антоний. Спросил я его перед битвой.
"Что же случилось с тобой, что на море воюешь ты словно,
Ты финикиец, не римлянин к суше привычный.
Знамя победы ты с большим триумфом поднимешь,
Если изменишь решение и здесь, на земле нападешь..."
"Нет, - отвечает он мне, - пусть она все решает.
Пусть для царицы Египта триумф будет слаще.
Хочется на море ей - буду драться я в лодке.
Что, брат, случилось со мной ? В Клеопатру влюбился".

КЛЕОПАТРА:

Всё ты мне врешь. Мне уж тридцать. Любви я не стою.
Выбрал Антоний девчонку. А мне - поделом.
Пусть же всё сгинет, могильной забьется землею.
Может на трон посадить он ее пожелает...
Нет, не пушу. Пусть он просит, и воет, и лает.
Кстати, скажи мне, наметился там перелом ?
(показывает рукой в сторону, где гремит морское сражение).

РУФИО:

В данный момент всё зависит от действий Египта.
Римских галер только доски дымятся кругом.
Ломит Антоний. Я вижу, что тень "Эвкалипта"
Вражеский главный корабль он уж держит с трудом.

ХАРМИОНА:

Верь мне, царица.

КЛЕОПАТРА:

Ну да, я царица. Этого титула враг мой меня не лишил.
Вот моя воля: Корабли в Александрию...

Приказ царицы эхом передается матросами.

ХАРМИОНА:

Что ты делаешь ? Это же гибель !

Это предательство. Страшен ему твой удар.

КЛЕОПАТРА:

Октавиан мне не страшен. Ведь я не Антоний.

Он мне оставит Египет. Я с честью уйду.

Что ж до предательства... Как там, в письме...

"Мой подарок...тебя зовет..."

Хармиона уходит.

РУФИО:

Остановись ! Не делай этого, поверь мне, умоляю...

Он не влюблен в нее, причина вся - в тебе.

Ты как чума, что мыслью управляет. Он обезумел,

Он в дыму, в огне ! Он обернулся к свежему созданию,

Пытался так найти гармонию с собой, - она как снег

Под солнцем мироздания, растает завтра. Суток не пройдет.

Он от себя, с тобой повенчанного смертью, от хмеля вечного

Бежит... Не от любви. Тебя вчера сравнив с пастушкой беспечной,

Он в страхе, околдован он тобой. Ну, дернулся...

И дальше что... Как глупо великое с ничтожным заплетать.

Одумайся, прекрасная царица, одумайся !Зачем все так ломать.

Не торопись. Привык он быть с тобою. Тебя терпеть. Тебя вкушать, как яд.

Она - ничто. Тебе он мстит, не скрою, за вечный плен.

За рухнувшее "я". За вечный Рим, что для тебя он бросил.

За власть над миром, ту, что потерял

В твоём огне. Но любит он тебя, и сам, повинный,

Тебе он голову девицы принесет. Ревнуешь ты ?

Достиг он цели видно. На миг, увь, как страшен этот миг.

Пойми всего на миг тебе обидно,

А сколько ты ему доставила обид.

КЛЕОПАТРА:

Довольно. Я от слов устала. Эй, на руле !

В Египет. Поскорей. Все паруса поставьте.

Не престоало царице ждать. Уходим. Я спешу.

Ее похоронить, пока Антоний на землю не сошел.

Ты, Руфио, друг мой, забылся видно, Хармиона знает,

Как я страдала, что мой друг женат,

Как я подушки ночью раздирала, как плакала,

Что бросил он меня, ему теперь всё мало...

Он клялся мне в любви перед Богами.

Мы кровью нашу клятву скрепили, правда. Ну а что теперь ?

Вот новая красотка. Он стихи ей пишет. Как занятно.

Пусть дохнет здесь один, я так хочу. Он проиграет.

Египет, Клеопатру, вечный Рим. Уходим... Ах, как месть приятна.

Пусть все летит в Таргарары. Он шутит ? Я - не шучу.

Хармиона возвращается

ХАРМИОНА:

Царица, Антоний на борту.

Увидев, что ты в Египет ставишь паруса, он бросил битву.
И со слезами, мол бросила его его любовь, он в воду кинулся.
И вплавь достиг...

РУФИО:

О, горе нам ! О, горе !

ХАРМИОНА:

Средь войска замешательство. Вожак их бросил.
Вон Октавиан. Он празднует победу. Все кончено.

КЛЕОПАТРА:

(медленно поднимает с палубы брошенное письмо)

"Оставь шуту, богиня всех цариц,
Лишь ноты сна в молчании шагов,
Мой милый друг, мой нежный, тихий стон,
Увы, другой, подарен, посвящен.
Лучом весны, дыханьем всех зарниц,
Навеки я с царицей обручен.
Она как свет, дразнящий глубину,
Она - вся жизнь, звеня, поет во сне.
И с этим словом я навек уйду.
Прости. Прощай. Не думай обо мне."

Клеопатра, выронив письмо, в ужасе закрывает лицо руками. Со стоном оборачивается на тяжелые шаги. На сцену, пошатываясь, выходит Антоний. Клеопатра медленно опускается на стул. Немая сцена. Руфио отбирает у Антония меч. Антония пытается сопротивляться, но, обессилев, садится на палубу у ног Клеопатры. Свет гаснет. На сцене снова только Цезарь в кресле в лучах прожектора. Он молчит. Появляется стол с тремя "ведьмами" - Ирой, Хармионой и Клеопатрой.

КЛЕОПАТРА: Историкам, кстати, до сих пор не ведомо, почему Клеопатра внезапно покинула поле битвы при Акциуме, хотя исход ее вовсе не был предрешен в тот момент. Антоний, это тоже факт, по выражению Шекспира, "про все забывши, кроме Клеопатры, бросил нерешенный бой и кинулся, как селезень за уткой..." А что было потом - вы все знаете. Она его подняла из руин отчаяния, да поздно. Войско уже разбежалось. Клеопатра попыталась отправить своего сына - Цезариона в безопасное место. Люди Октавиана его поймали и убили. Октавиан взял себе перстень Цезаря, который Клеопатра повесила на шею сыну. Уже потом, когда он захватил и ее и вел с нею переговоры о том, на каких условиях она может пойти в Риме на потеху толпы за его триумфальной колесницей, Клеопатра увидела этот перстень и поняла, что ей терять нечего. Сына нет, любимого тоже. Но я забегаю вперед. Антоний выступил с остатками верных людей против огромной армии. Не принимая боя, последние легионеры ночью перешли на сторону врага. Руфио был убит дезертирами, когда пытался разбудить Антония. Антоний поднялся и увидел - он один в лагере. Труп друга

в лучах рассвета , оседланный конь и все. Никто из окружения Октавиана не дал ему возможности умереть от меча - в поединке, как воину. По римскому обычаю чести. Антоний вернулся в Александрию...

ИРА: Раб сообщил ему, что Клеопатра в гробнице. Антоний вонзил себе меч в живот. Еще живого его принесли к ней... Дыхание их слилось в последнем смертельном поцелуе. А потом были винные ягоды, змея и твой сон. Красивая, древняя и великолепная трагедия. Но я не хочу такого финала. Ведь Клеопатра жива - вот она, сидит перед нами. Антоний - в пути... Он уже близко. Мы знаем, где они вновь, уже в этой жизни встретятся навсегда. Она, Клеопатра, может нам не верить... Но мы же знаем, как все повторится. Цезарь, здесь ли ты ? Могу я, Ира, попросить тебя показать мне последнюю картину Египта, прежде, чем ты исчезнешь ?

ЦЕЗАРЬ: Проси.

ИРА: Я хочу, чтобы она увидела самый счастливый день своей прошлой жизни. Может быть, это был тот день, когда Антоний пришел к ней на корабль в Тарсе, они встретились впервые после того, как она приезжала к Цезарю в Рим, это было после той волшебной ночи когда они оба, влюбленные друг в друга уже давно, нашли свое вечное счастье в этой любви... Я хочу, чтобы и теперь так было.

ЦЕЗАРЬ: Да будет так... И прощайте же, ибо так будет...

На сцене - Антоний и Клеопатра. Они не в силах оторваться друг от друга. Он - у ее ног, обнимая ее колени, не выпускает ее руки из своей. Покрытая леопардовой шкурой широкая скамья, видно, еще не остыла. Рядом с ней на низком столике - развернутый пергамент, пара кубков и большой кувшин.

АНТОНИЙ:

Мир разорвался на сотню звенящих созвездий,

Взрыв мириады миров раскидал по вселенной.

Бездна в тебе. Я пропал в ней, как в пламенном горле

Белого дивного сна и томительной неги.

Мне не уйти из тебя. Ты во мне, как проклятье бессмертных.

Знаешь, тебя я люблю, как никто из мужчин женщин вовек не любил... Что же в тебе, расскажи ?

Ты меня приняла ведь, а дальше ?

КЛЕОПАТРА:

Шарик хрустальный крутился в висках. "Пух", и растаял.

Странно, как странно... Мне хочется белкой лесной

Прыгнуть на плечи тебе, и свернувшись клубочком уснуть.

АНТОНИЙ: Ты плачешь ?

КЛЕОПАТРА: Нет, не буди. Эти слезы награда смиренью...

С ними уходит печаль и тревога смертельного слова,

Слова разлуки, которое ты мне несешь.

АНТОНИЙ:

Что за страхи... Вижу я только тебя.
Стон боевых колесниц и сияние римских орлов,
Белые кони триумфа и жезл победителя мира -
Все суета. Я ослаб пред тобой как ребенок.
Нежность твоя меня цепью сковала стальнойю...
Что мне доспехи, что Рим ? О, царица моя,
Как бы хотел я и с жизнью проститься напрасной,
Лишь бы уста твои вздох мой последний испили.

КЛЕОПАТРА:

Нет, не проси... Я на крыльях судьбы улечу.
О, мой герой, нам откроет грядущее пламя,
То, что залижет и раны, и странною негой укроет.
Быть по сему. Не царица я больше тебе.
Мой повелитель, согрей меня сердцем зовущим.

АНТОНИЙ:

Хочешь, я грудь распахну себе острым мечом,
Чтобы омыть твои губы пылающей кровью,
В сердце моем ты любовь распознаешь тогда...

КЛЕОПАТРА:

Что за напасть ? Или сыт ты уже Клеопатрой ?
Хочешь, я лодку по Нилу пущу ? Над волной
Тихо качая рассвет, мы алмазные брызги рассыплем.
Хор пирамид повенчает нас тайной вселенной,
Белым ковром будут легкие тени стелиться,
Нас поздравляя, окрепших для новых свиданий.
В путь, наши дни будут полны веселья и блеска -
Пусть провожают стихии блестящую пару
Взглядом, на нас будет жизнь любоваться.
Роскошь - в огонь наслаждений я кину беспечно,
Войны - пусть их, они жаждут не счастья, а мести.
Будем мы в нищих одеждах в дома бедняков
Смехом влетать. Пусть дивятся - царица-шалунья.
Ты же им силу докажешь в сраженьях кулачных
Улицы шум нам триумфом ответит без лести.
Нам не подарит покой одинаковых дней.

АНТОНИЙ:

Ты - небеса. Я люблю тебя, девочка, тайна,
Милый мой демон, прекрасная, жадная, злая.
Ужас весь в том, что я знаю, что в этих объятьях
Смерть я найду. И последней любви волшебство.

КЛЕОПАТРА:

Так ли последней ? Ты молод. И я не старуха.

АНТОНИЙ: (вынимает меч)

Жизнь мне - туман. Ты весна. Разруби этот узел.

Сразу, сейчас. Не шучу я. Не медли, смелее.

Разве смогу я прожить, о тебе только память храня,

Если царицу любил. Жить без крыльев, как страус,

Голову пряча в песок, чтоб не видеть, насколько померкли

Звезды, Луна, без тебя, без последней любви.

КЛЕОПАТРА:

Ну не сердись, я люблю тебя, этим клинком

Ты разрубал непокорные головы, правда ?

Пусть он послужит и мне.

(взмахивает мечом, но, не удержав, роняет, хватается за палец - порезала. С писком отправляет его в рот, пытаюсь остановить кровь)

АНТОНИЙ:

Ты как дитя. Но все к лучшему. Славный итог.

Этот пергамент скрепим мы кровавой печатью.

Вечный союз двух сердец, двух стихий, двух империй

Будет отныне вручен Афродите навеки.

Поднимает меч, ударяет им себя по ладони, берет Клеопатру за руку и чертит ее порезанным пальцем ее царский знак на пергаменте. Потом делает сам то же.

КЛЕОПАТРА:

Пусть торжество мое ярче раздует на небе вечернее пламя.

Ты так решил. Не спеши же свой верный клинок отправлять в заскучавшие ножны...

Царский одежд мне несносно звенящее бремя.

Срежь их с меня. И согрей меня страстью горячей.

Антоний порывисто прижимает ее к себе. Но Клеопатра останавливает его игривым жестом.

Нет, погоди. Прежде сладкой напейся забавой.

Помнишь наш пир... Тот, при первом свидании в Тарсе ?

Ты говорил, что вся роскошь Египта иссякла, чтобы гостей ублажать ?

Стаи павлинов, вина драгоценного реки, роз лепестки,

Из которых нам скатерти сшили, пурпур, атлас парусов,

Позолота снастей корабельных, арфы и лютни,

Венки виноградного змея, сахарный снег,

Бирюза на светильниках медных, тех, что индус

Заправлял колдовскою смолою. Ты помнишь ?

АНТОНИЙ:

Еще бы. Тот пир обошелся в две сотни талантов.

КЛЕОПАТРА: (вынимает из уха огромную жемчужину)
Эта потянет на три. Целый город из камня. Ну, погляди...

АНТОНИЙ:

Ты зачем ее кинула в уксус ?

Тихо шипя, она тает, как облако в небе.

Это же год содержания моих легионов. Всех двадцати !

Вот уж царский напиток, бесспорно...

Клеопатра вынимает из уха вторую серьгу. Такую же. Но Антоний не дает ей проделать с другой жемчужиной то же, что и с предыдущей, перехватывая руку царицы.

Нет, погоди. Хватит. Я верю, что щедрость твоя безгранична.

Эта - до лучших времен. Вдруг нам флот пригодится случайно...

Или гробницу из золота вздумаешь строить.

Выпить успеешь всегда. Ну а с этим кубком я так поступлю...

Антоний берет кубок, набирает в рот пошла из растворенной жемчужины, одной рукой привлекает к себе Клеопатру и в поцелуе, из уст в уста, поит ее. Свет гаснет. На сцене снова только один Цезарь в кресле.

ЦЕЗАРЬ: Я ласк твоих прилежный ученик,
Я снова жить в твоей судьбе хочу.
Но быть вдали, возможно, я привык.
Да будет путь твой светел. Я молчу...
Ведь море слов любовь, как океан
Поглотит нежно в щедрости своей...
Им вместе жить. Антоний ! Горечь ран
Залечит время. В будущем - ты с ней.
С царицей. Мой удел таков - я сын ваш.

Цезарь исчезает. На сцене снова появляется кухня городской квартиры. Клеопатра и Хармиона сидят за столом, Ира возится с чайником. Телефонный звонок. Клеопатра берет трубку.

КЛЕОПАТРА:

Да, слушаю. А чего с тобой здороваться... Кто ещё будет звонить в приличную квартиру в полчетвертого утра... Я не всхлипываю... Уже нет. Да с чего ты взял, у нас всё хорошо! У меня было поганое настроение, сейчас меня успокоили. Главное гадание еще впереди. Ты хоть выспался ? Во сколько ты приедешь?... Ты созвонился с тем, с кем я просила? (вздрагивает, слушая собеседника). Не может быть, уже? Нет, ничего, всё в порядке... Я не ожидала, что всё произойдет так быстро. Вот странная ирония судьбы - у нас с ней все должно было сладиться одновременно, а получилось всё так скоро у нее одной. Как ты обрадовал меня. Тащи его сюда немедленно, нельзя такое счастье хранить в мешке на балконе. Ни в коем случае. Побереги наши нервы. Нас тут много. Он должен

появиться мягко, как улыбка чеширского кота. Тет-а-тет, но в пределах видимости. Я не могу тебе чертить алгоритм. Сам смекнёшь, не младенец... Да, вот ещё что... Привези-ка нам рыбу... Ну конечно, сёмгу. В бумажном пакете. А его оставишь в предбаннике. Это собаки линяют с хвоста, рыба тухнет всегда с головы. Улавливаешь мою мысль ? И не только служить в разведке мне надо было... Ещё и в кино играть. Всё, давай без лишнего треп. На улице проливной дождь. Ты обязательно промочишь ноги. Понял намёк? А кто еще спасет Родину, как не лучшая ее половина. Это не обсуждается. Это мой очередной художественный свист. Всё, привет !

ХАРМИОНА: О чем это вы говорили ?

ИРА: Отстань от нее, а ? Девочке рыбки захотелось соленькой... А рыбка вкусная, из Финского залива, свеженькая, с укропчиком. Какая закуска изумительная. Умница, что догадалась, и я тоже догадалась, под какую песенку мы будем эту рыбку есть. Это надо отметить. Водку пить больше не будем. Оставим мужикам...

КЛЕОПАТРА: Они привезут... Ой...

ХАРМИОНА: Кто они ?

ИРА: Их высочество принц консорт при нашей королеве. Пока она его не выгнала, он носит этот титул. Что глаза выпучила?

ХАРМИОНА: Темните вы что-то, подружки...

ИРА: Ночь заканчивается. Ночь полнолуния. А луна-то какая, посмотрите, в окне! В капельках дождя. Яркая, даже смотреть трудно. Весной и летом такого не бывает – и пыльца всякая, и пар, и пыль. А сейчас после дождя она сияет ослепительно в прозрачном воздухе. Необыкновенная ночь. Вещая.

ХАРМИОНА: Зубы мне не заговаривай песней лунатика!

ИРА: Тебе заговоришь... Лучше погадай мне или ей. Пока я схожу за "Мартини". Кстати, твоё величество, ты обещала нам произнести еще один из твоих знаменитых тостов. А потом по кругу погадаем всем... Времени осталось немного... Только эту засаленную колоду не берите. Что там тебе выпало ? "Неизбежная ссора с влиятельной парой из-за несогласия в вопросах теоретической морали..." Похоже, твои родители не поймут твоих поступков... Но сегодня не та ночь. Я предпочитаю ТАРО.

ХАРМИОНА: Тащи карту. А что ты там говорила про рыбу...

КЛЕОПАТРА: Видишь ли, в чем дело... Ты знаешь, почему на скачках самым лучшим благородным скакунам надевают на глаза шоры ? А чтобы они не видели, что творится справа и слева и бежали со всей дури к светлой мечте, не переживая о несчастьях жестокого времени перемен. А вопросы борьбы с коррупцией у нас сейчас обсуждают все – и мужья с жёнами, и пассажиры в метро, и даже... Ну да. Но большинство почему-то сходится во мнении, что собака линяет с хвоста, а рыба тухнет с головы.

ХАРМИОНА: Ну, и кто ты после этого? Чувствую, придётся нарушить страшные клятвы и прочитать твои мысли.

КЛЕОПАТРА(смеется): Валяй ! Ищи в этом супермаркете всё, что ко двору придется... Вот мысль о том, что я забыла соседской кошке отдать грязный пакет из-под ряженки, чтобы остатки долизала. Могу еще предложить схему сооружения летних домиков из дешевого сырья. Пивные банки на цементном растворе, кстати, классная экологически чистая инициатива. Решение жилищной проблемы для бомжей и дачников. Как тебе в моей душе, уютно ?

ИРА: Перестань дурачиться, лучше помоги мне со стола убрать...

ХАРМИОНА: Иными словами, купите на Привозе селедку и морочьте ей голову... Грех смеяться, когда мне так грустно! Что мне делать, милая, родная, скажи ! Где он, с кем он, я еще существую для него ? Он появится... Когда же, когда ?

КЛЕОПАТРА: Ты сама мне что говорила полчаса назад ?

ХАРМИОНА: Мне нужен факт...

КЛЕОПАТРА: Наличия присутствия ? Мне тоже.

ИРА: И мне. Я хочу, чтобы вы обе две быстрее были счастливы и прекратили трепать мне нервы. Прежде чем ты скажешь очередной тост, мне придется тебя, дорогая Клео, предостеречь. Выпала смерть. Сядь, не кипятись. Ты рано овдоеешь. Но чернота твоего траура тлеет. Она выходит из света. Тот, кто тебя покинет, не твоя кармическая пара. Вот он видишь, с копьём в груди ? Он благословит твой день и твою ночь. И дальше путь твой светел. Ты воссоединишься с тем, кого любишь. И покинешь ради его дома свой собственный дом, в котором живешь сейчас. Это для тебя. Для него. То, что ему сейчас кажется незыблемым, он разрушит сам, а те, кто сейчас рядом с ним, весело и беззаботно будут подавать ему кувалду и помогать растаскивать кирпичи. Та цепь, с которой он сейчас сроднился и сидит на ней, довольный, как шелудивый барбос, деля вид, что это его призвание, упадет сама собой и рассыплется в пыль. Это я не только про службу, но и про брак. Хорошее дело, как известно, браком не назовут. Все векторы врозь, и в основе - глобальная переоценка ценностей. А жертвенный ягненок уже блеет. Твой муж по гороскопу Овен, кажется ? Перевод нужен ?

КЛЕОПАТРА: Нет. Так вот она, цена свободы. Как трудно иногда бывает найти согласие между разумом и совестью. Я не хочу, чтобы он умирал. Он не виноват в моем пути. Я могу помешать ?

ХАРМИОНА: Не спорь. Он расплачивается не за твои грехи !.. Это политика. Это язвы страны и тех, кто ею правит. Его беда и обрыв полета - в руках тех же структур, что сейчас удерживают Антония рядом с пустым кувшином... Будет ещё взрыв, и будет ещё бой. И ты его не удержишь. Я не знаю, ты не знаешь... Где, когда? По дороге на работу здесь, на линии от Тушина до Пушкинской или далеко в горах, куда он поедет в

камуфляже. Если бы тебе дано было его предостеречь и увести в сторону, расклад бы это показал. Любовь и смерть неразделимы. Он - жертва. Политика тот самый дракон, который пожирает и его, и Антония. Только Антоний истекает кровью изнутри, а твой супруг падет на реальном поле битвы. Кстати, он не один такой. Грядут такие дни, когда даже тишина будет разрываться от боли. Больше я не имею права тебе ничего говорить. Но только припомни одну деталь - Цезарь тебе сказал, что он станет сыном Антония и Клеопатры !.. И у него есть будущее. Тост, царица ! А потом погадаешь мне...

КЛЕОПАТРА: Пифия времён заката Дельфийского оракула в своих пророчествах была по сравнению с тобой просто опереточной певицей! Обрадовала... Как жить-то теперь?

ИРА: Ты же сама сказала... Как жить? Теперь жить. А не потом и не раньше. Вот как. Счастье оно завтра не бывает. Это не я сказала, Чехов. Антон Павлович. Тост скажи!

КЛНОПАТРА: Налили?... Было время, когда на земле не было крупных зверей, все они жили на Луне. Но наступил кровавый рассвет, когда с Луны упал первый тигр. Он был безвреден и беспомощен. Едва передвигался на мягких рыжих лапах. Но голод - не тетка, а траву щипать ему было противно. И попросил он кошку научить его жить на Земле. Кошка согласилась - и год натаскивала его бегать, прыгать, охотиться, выслеживать добычу. И когда он осмелел и почувствовал себя всеильным, решил он избавиться от своего учителя, чтобы ему, тигру, не осталось равных. Погнался он за кошкой, а та шмыг - и на дерево... Как достать ее ? Изумился тигр: "кошка, ты же научила меня всему, что знаешь, почему не показала, как прыгать по деревьям ". "Чтобы у тебя не было соблазна съесть меня, - ответила кошка, умывая лапой мордочку. Так давайте выпьем за то, чтобы у нас, маленьких зверей, всегда что-то оставалось за душой...

Дамы аккуратно отпивают по глоточку "Мартини", стараясь не заглотнуть лёд. Клеопатра берет колоду карт и что-то нашептывая, раскладывает их на столе. Хармиона отходит к окну и говорит, обращаясь к форточке. Ира облокачивается на спинку стула Клеопатры и заглядывает ей через плечо.

ХАРМИОНА: Забавно... А вообще, я начинаю задумываться, какой вредитель придумал эти слова "никогда", "навсегда"... Никогда не бросит, никогда не посмеет преступить через долг, неизвестно, ради чего самому себе внушенный, никогда не уйдет от того, что постыло... Навсегда расстались, навсегда помирились... Человек никогда не сможет прыгнуть выше собственной головы. Какой там рекорд Олимпийский - под три метра, кажется ? А рост самого длинного человека из какого-то африканского племени 2 метра 62 сантиметра. Так что можно выше головы, можно... Человек никогда не узнает, как передается память поколений. Тут же ученые открывают молекулу ДНК. Как вообще можно навсегда уйти, если души переплетены, если двое живут друг в друге... Бумажку можно разорвать, любовь – не рвётся. Погадай мне, Клеопатра !

КЛЕОПАТРА: С тобой всё ясно. Цепь событий достаточно динамична. Было зло, твой предмет сопротивлялся насилию, вижу большие беды и длинные дороги. Вижу его бедность, вижу измену со стороны какой-то крестовой дамы. Сейчас у него семёрка трэф – спокойствие и благополучие. Но и пустота в душе. Он чего-то очень сильно ждёт.

Дама бубновая возле такого же короля... Это молодая девушка, свадьба ей выпала. Наверное, его родственница? Твой герой скоро избавится от тяжёлого душевного состояния. Вот меч – вот сеть. Его победа predetermined, но сеть он с себя сбросит еще не скоро. Разрыв этой сети - это ты. Ты дашь ему силу через свою любовь и верность. Главное препятствие на этом пути сейчас - это твоё нетерпение и его неверие в то, что ты его ждешь. Выпадающая карта - это покой. Это то, чего тебе прежде всего не хватает. Покоя и веры. Но в той борьбе, которая была до сегодняшнего дня, для тебя места не было. Отсюда его страх, его слабость, что ты его не примешь. А шаровая молния уже у тебя в руке. Убей свой страх. Она не жжет, она светит. Она рядом. Поэтому не суетись - расслабься. Теперь ваша задача - попытаться понять друг друга и стереть те острые наслоения, которые образовались за две сотни веков. Две половинки соединяются - видишь, червонная и пиковая десятки по диагонали. У меня все.

ИРА: Ты забыла еще одну деталь - вмешательство третьей силы. Червонная дама при своих хлопотах и разлука с друзьями по дальней дороге и крестовой любви.

КЛЕОПАТРА: За вмешательство во внутренние дела Восточного Тимора можно и бамбуком по шее схлопотать. Исчезни, негодная! Я за свои слова всегда отвечаю, в отличие от вас. Устроили сеанс перекрестной терапии. Всё будет хорошо, я единственная и неповторимая, он всех забудет, ко мне приползет ! Не верю... Докажите. Кардинал Ришелье никогда не говорил - "я сделаю", только "Я сделал". И вся страна трепетала... Вот образец для подражания. Помочь на деле. Это моё кредо. Не ваше.

ИРА: (склонившись к уху Клеопатры, говорит тихо, но отчетливо, чтобы ее слышала публика, но не Хармиона) А ведь мы докажем. И не надо ультимативного тона. Сделала что-то полезное, повезло тебе - молодец. Факт будет на лице - тем более. Требовать ответа немедленно ты не имеешь права, и тебя прощает только твоё отчаяние и привычка повелевать, дурная привычка древнего августейшего сана. Успокойся. И не забывай, что нас двое, и две ведьмы для третьей сестры, мы сможем добиться для тебя всего. Ну вот, опять слёзы... Какие слова еще для тебя найти...

КЛЕОПАТРА:

Я так тебя люблю, что вряд ли я отвечу,
Как одиночество смогу я пережить.
Всё изменилось вдруг, задуло время свечи,
Не знаю, что со мной, не знаю, как мне быть.
Да, как жестока жизнь, познала я с тоскою,
Средь бесконечных дней на солнце тень твоя...
И даже мрак ночной не принесет покоя,
С тех пор, как эта жизнь с тобой свела меня.
Но, позабыв любовь, ты гонишь даже мысли.
Страницы пролистав, ты отложил роман.
Забыл, похоронил, могила в поле чистом -
Вот памятник моим несбывшимся мечтам.

ХАРМИОНА:

Эта сырость с мокрицами - твоё, что ли ?

КЛЕОПАТРА:

Это перевод, правда, мой. Хит 82-го года, французская эстрадная звезда Клод Франсуа. Я ведь не кусаюсь. Я ведь все ему прощу, я буду ждать сколько нужно, радоваться только одному ласковому слову, буду растить сына. Жду, жду, терплю, а чего жду, почему терплю ? Да пошло всё к... Ой-ой-ой... Ну неужели ему так трудно позвонить, у меня ведь есть телефон, и мобильный, и мыло, и вообще...

ИРА: И э-мейл, и мыло, и веревка. Это опять истерика. Цезарь, правда трудно ?

Появляется тень Цезаря.

ЦЕЗАРЬ: Ему ? О, да. Но трудно так же мне
Вас убедить , что я уж все сказал.

ИРА: Покажи мне его. Нет, лучше их обоих. Мужчин наших.

ЦЕЗАРЬ: О, Громовержец Зевс ! Как слепы люди.
Терпенья - ни на грош, ни на полдня...
Но я люблю вас, с вами да прибудет
Любовь двух воинов, а также и моя...

Цезарь садится в кресло. В передней части сцены появляются Антоний и Руфио. Руфио в римских доспехах. Антоний в джинсах и тельняшке. Он заметно пьян.

АНТОНИЙ: Зачем ты меня снова звал, от кубка оторвав...

РУФИО:

Затем, что ты уж пьян не в меру. Очнись, герой.
Пади на грудь жене, иль пригласи веселую гетеру.
Но свой позор ты зельем не зальешь.

АНТОНИЙ:

Постой. Ты издеваешься. Всё ложь.
Всё мрачный бред. Я сам себя в силок поймал.
Я от неё бежал. Глупец. Себя я наказал.
О где ты, океан вина шипучего... Какое жженье...

РУФИО: Ты жабу проглотил, или болезнь какая у тебя ?

Чего ты стонешь, голову склонив к коленям так,
Как будто тебя груз с галеры вьючит. Осел упрямый.
Этак поделом тебе. Ведь ты свою беду придумал сам.
Боялся страсти, верил парусам. Ты так решил.
Теперь уж пей до дна. Досады чашу. Знать, она вкусна.

АНТОНИЙ: Ты прав. Я долг себе придумал пред страной,
Перед собой и... как её ?... женой...

Я думал, что любовь смогу убить
В себе самом, что со страстями сильными
В душе опасно жить.
Они, мол, до добра не доведут. Лишь только
Честь, и власть, и славу украдут, семью разрушат.
А она меня забудет скоро, лишь измочив слезами свой подол...

РУФИО: А что сейчас ? Ты это получил.
Она позлилась... А теперь Могол
Великий служит ей. Ей скрашивая ночи среди сфинксов.
Не об этом ты молил богов ? Она тебя забыла !

АНТОНИЙ: Как быстро. Замолчи... Ведь я наказан
Богам. Ведь они, желанья наши выполняя досконально,
Порой карают нас за слепоту. Но я не ждал такого!
Дай мне вина... Я проклят. Я разбит. Мне плохо.
Октавиан, хитрец двуличный,
Свою сестру мне в жены подложил. Селедку дохлую.
Скучнейшую из баб. Ведь эта дура даже спит одетой.
Теперь я зять ему. Щенок послушный. Хвостом туда-сюда.
Антоний сдох. Я в Риме. Я никто. Я ненавижу всех.
Ей весело ? Там так тепло в Египте.
Могол - у ног. Алмазы, хлеб, вино... Я выпил всё ?

РУФИО: Кувшин твой пуст давно. Как и твоя душа.
Она по-царски отыграла роль, что ты ей написал заранее.
Тебя твоим оружием побил. Ей-богу хорошо, еще с лихвой.
А ты поверил в то, что это не игра
Лукавой Нильской змейки, не наветы...

АНТОНИЙ: Куда уж там, ведь не союзники ее, враги,
Поют о их союзе лучезарном.
О пышных выездах, о ласке в их глазах...
И о беседках стонущих в застенчивых садах...
Пусть разорвет их в клочья моя злоба !..
Как быстро всё забыла. А ведь в любви клялась.
Поверить не могу...

РУФИО: Как ты раскис, однако. Знать, ты совета ждешь...

АНТОНИЙ: Но я люблю её ! Поверь, мне слов не хватит,
Чтоб выразить всю горечь этих слов.
Она - с другим. Она с другим - в кровати !
Забыт я. Как я мог о том молить богов.
Как я посмел ей слух изменой резать.
Она, всё бросив, сотню раз права...
Всё кончено, скажи ? Простит ли Клеопатра

Меня когда-нибудь, пусть словом, пусть шутя,
Лишь взгляд на эту грудь - и вновь воскресну я...

РУФИО: Какая же ты тряпка, право слово... Любимой я поклялся,
Что скоро я вернусь, а ты здесь пьешь вино !

АНТОНИЙ: Какая связь... Пстой...

РУФИО: Служанке Хармионе
Вернуться лишь с тобой поклялся я давно.
Тому уж года два. За счастьем мы в погоне.
Она меня там ждет, а ты здесь пьешь вино...

АНТОНИЙ: Нет, друг, езжай один. Тебя там, верно, любят.
А мне прощенья нет. Царица занята, к тому же...
Дай ей бог... Плодить детей при муже.
Ее я потерял, о горе мне, о горе. Что, смерть ?
Такой удар кто ж в силах пережить.
Так может мне на меч упасть, свернув потуже
В распахнутой душе любви и мести нить...

РУФИО: Да, верно. Ты щенок. Не воин. Не орел.
Прощенья попросить боишься ты, как порки.
Дрожишь ты, нос в поту, что вдруг тебя пошлют.
А если даже так ! Любви напиток горький
За счастье пей до дна. Поверь, тебя там ждут.

АНТОНИЙ: Не проси. Вот разве что гонца я
Отправлю за зерном, и так налажу связь...
С Египтом. Мы ж - друзья. А после... может быть
Царица дорогая... А кстати, где вино ?

РУФИО: Какая же ты тряпка... Впрочем, всё равно...

Антоний пытается отыскать в кувшине последние капли вина. Руфио заставляет его встать, подписать письмо в Египет, а потом ударом кулака отправляет пьяного Антония в нокаут. Затем поднимает его за ремень джинсов и выносит со сцены. Появляется смеющийся Цезарь. Он опять в своем любимом кресле, закутанный в пурпурную тогу. Доедает из сковородки остатки жареной картошки.

ЦЕЗАРЬ: Я скоро к вам приду,
Теперь-то ясно вам, что вы любимы обе ?

КЛЕОПАТРА и ХАРМИОНА (в один голос) - НАМ НУЖЕН ФАКТ !

ИРА: Какой факт? Факт это кто? Вы чего орете-то ? Время - пять утра.

ЦЕЗАРЬ: Счастливые часов не наблюдают.

ХАРМИОНА: Да кто тебе сказал ?

ЦЕЗАРЬ: Твой факт уж на пороге. Наверное, промок.

Царица пусть не спит душой, ее счастливый рок,

Как карты говорят ? Я вспомнил. На дороге.

А скоро за столом вы соберетесь все.

Как дальше там в гадании, проверь ?

Не скучно будет вам. Три пары, три сестры.

Всё, хватит. Духов срок закончен до поры.

Ну ладно, я пошел - уже трава в росе,

И разгоняет солнце вещей ночи хмель.

Тень Цезаря исчезает. Ира убирает со стола объедки ночного пиршества и атрибуты спиритической магии. Клеопатра и Хармиона медленно тянут из бокалов коктейль из недопитого "Мартини" и апельсинового сока. Хармиона закуривает. Звонок в дверь. Клеопатра отправляется открывать.

ХАРМИОНА: Что там такое ?

КЛЕОПАТРА: Туловище приехало. С гостинцами.

ИРА: Туловище – это отрядное прозвище, между нами девочками, её супруга. И его главное богатство. И отличительный признак. И суть. Заметь, не фигура, не тело... Про Мыслительные способности вообще упоминать излишне. "Глаза зеленые, туловище – могучее, атлетическое, череп бритый, хорошо водит машину. А в детстве был хорошим мальчиком, и сейчас кулачищи..." Всё. Это цитата. Характеристика, выданная нашей царицей в ту пору, когда она с ним только познакомилась. Лучше не скажешь. Хотя, надо заметить ради объективности, туловище как самец для нашей царицы выполняет обязанности Великого Могола со знаком качества. Туловище там - как у статуи Геракла на первом этаже Эрмитажа. Только без бороды. И почти без денег. А как он ей комплементы отпускает... Смех и грех! Весь скрючится, на шее вспухают жилы от напряжения, в глазах - вселенская скорбь, челюсть сводит судорогой на сторону. Зубы оскалит, кряхтит, тужится... "Рыбка моя...". Всё, выдал. Обожаю его. Как увижу португею, всё тупею и тупею... Но ее, бедняжку, жалко. Как тяжело жить с тем, кого не любишь. Когда в глазах, в сердце, в мыслях, в слезах - другой.. А как она тоскует... Делилась со мной на днях, что чувствует себя очень гадливо с мужем каждый раз, зная, что её тело, её душа и даже её манеры он воспринимает просто как медаль за отвагу. Он видите ли, мужчина. А она как солдатка обязана его обслуживать и не смеет своё суждение иметь ни по одному из вопросов. Она заставляет себя ему даже улыбаться, не говоря обо всем остальном. Положа руку на сердце, лучше было бы обоим, если бы они разошлись окончательно с этим... туловищем. Он прекрасно может найти себе какую-нибудь молочницу, которая будет смотреть ему в рот. Царица ему не по зубам. И сама мучается, и его, толстокожего, тоже, истязает...

ХАРМИОНА: Да, ее очень жалко. А еще обиднее за их любовь с Антонием, что они не могут друг без друга жить, а души их в разлуке превратились в кровоточащие язвы. Но как бы там ни было, для неё все ее мужчины - это объективная реальность, данная в ощущении... А у меня ? Миф, солнечный зайчик. Мелькнул, пропал. Мы же с ним были знакомы полтора дня. Ну, хорошо, Клеопатра убедила меня в том, что если бы ему была нужна просто девушка на выходные, он нашел бы другую, попроще. Не обязательно было при этом залезать человеку в душу с мешком розовых лепестков и нектаром любящих глаз... Но куда он делся, он же не давал о себе знать целую вечность. Если даже он помнит обо мне, то придает ли значение моему существованию ? Может быть, я просто придумала себе эту сказку, раскрывшись как бутон первый и единственный раз в жизни ясным и открытым сиянием навстречу добрым лучам. Это такая светлая, но только мечта... Полтора дня счастья. Может быть, правда, мне всё это показалось, иллюзия, чью-то минутную прихоть я приняла за дар небес. Придумала, нарисовала... Любовь моя разгорелась лишь из тени случайного восторга. Это для меня любовь, а он растворился в тонкой грани пространства и времени. Наша встреча – дыхание феи. Иллюзия. Мираж. Сон. Я начинаю чувствовать, что забываю его лицо, его глаза, его запах. Я чувствую леденящий ужас от того, что я МОГУ без него жить !.. Чтобы это свидание было началом того, что будет навсегда, так не бывает... Никогда не бывает. Заря занялась и потухла...

ИРА: Заря любая, если уж занимается, наступает светлый день. Не путай с закатом. Природоведение изучают в первом классе, а ты рассуждает на уровне детсада! И потом опять "никогда - навсегда". Забудь эти вредные слова! слово ! Никогда не говори никогда. Все силы, и светлые, и темные, и пограничные терпеть не могут это слово и стараются сделать наоборот, чтобы доказать смертным свою силу. Тебе хочется быть наказанной за упрямство и неверие? Мысль материальна. И ты получишь то, что сама надумала. Это же не мы придумали любовь с первого взгляда, это же не наша аксиома, что иногда одно мгновение может перевернуть всю жизнь...

Входит Клеопатра, брезгливо неся в вытянутых руках нечто, завернутое в бумажный пакет. На локте у нее висит совершенно мокрый зонт, под мышкой - еще одна бутылка "Мартини". Вываливает в раковину содержимое бумажного пакета. Там - великолепная красная рыба.

КЛЕОПАТРА: Всё остальное в прихожей в сумке. А ты сейчас эту бумагу грязную, чтобы здесь не пахла, вынесешь на помойку.

ХАРМИОНА: Почему я ?

КЛЕОПАТРА: Потому что я буду разделявать рыбку. А Ирка займется разведением домашнего очага в духовке, так как я с газовой обращаться не умею уже лет пятнадцать. Что же касается мужской рабочей силы, то один еще не проснулся, а вновь прибывший, хотя и промок до нитки, только что по сотовому получил вызов прибыть на сборный пункт. Срочная командировка на юг. Грозовой... Ох, не нравится мне это. Так что больше не кому. Бери зонт и отправляйся. Резиновые сапоги, зеленые, как указываемый тебе светлый путь - у входной двери. Всё что ты обо мне думаешь, об эксплуатации человека человеком, я не хочу нырять в прорубь, у меня мороз, а там -

насморк, выскажешь мне по возвращении... Не забудь пустые бутылки. Бомжи - тоже люди, им требуется гуманитарная помощь...

ХАРМИОНА: Но...

КЛЕОПАТРА: Ты хочешь еще и бутылки сдавать ? Это искусство или спорт ? Исчезни быстрее, я тебя умоляю... Тебя ждет твой любимый и помойный контейнер...

Хармиона, ворча, удаляется. Клеопатра включает музыку. Поет Френк Синатра. "My Way". Напевая, довольная собой Клеопатра возится с рыбой.

ИРА: Ее, прости, кто ждет ?

КЛЕОПАТРА: Я же по-русски сказала: ее любимый И помойный контейнер.

ИРА: То есть факт...

КЛЕОПАТРА: На лице. На лестничной площадке. Всё просто. В свою двухнедельной давности поездку в Нижневартовск я разыскала архитектора-югослава с именем ясной зорьки. Понятно, когда в провинцию прилетает, сопровождая третье лицо в государстве, столичная телезвезда, для нее Луну с неба достанут. Организовала облаву, его нашли. Я с ним поговорила, мы с ним обсудили всё, и через две недели, то есть сегодня, он - в Москве. Позвонил мне домой, и мой супруг привёз его сюда. Мечта, миф ! Чего она еще тебе там плела ? Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, чтоб покорить пространство и простор. Нам жизнь дала стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор... Всё выше... Но представляешь, насколько я рада за них, настолько же мне обидно, что моя-то сказка уже сыграна. Мой герой забыл меня. И ждать, как там по исторической хронике, пятерых гонцов от него за египетским зерном, хороший повод, а? Пустые, древние как мир, надежды.

ИРА: Пустыми бывают только древние могильники. Ой, чудная ты будешь старая... Сколько там времени ? Метро только открылось. Я так и знала, что еще не вечер.

Клеопатра, подняв, как хирург, вверх руки, гордо отправляется в ванную отмывать их от рыбьей чешуи. Ира склоняется над духовкой. Тихо входит Цезарь со сковородкой в руках. Ставит сковородку на стол и тихонько обнимает Иру за плечи. Ира поворачивается, почти удивленно. Ее рука застывает на его плече.

ЦЕЗАРЬ: Ирочка, доброе утро. Ты знаешь, я написал тебе стихи... Послушай, я так давно не говорил тебе о том, что я...

"Любовь моя, ты помнишь этот вечер,
Один из многих, я бежал к тебе -
И в волосах твоих пустынный ветер
Запутал память о прошедшем дне.
И пели струны кактусов колючих
А берег моря отдавал тепло..."

И волны гнали на плечах могучих
Потерянное глупое весло...
И удивленью не было предела -
Куда бежишь ? Неслись мне крики вслед.
Вся в розовых мечтах, мечеть глядела
На мой бегущий странный силуэт.
Но только звон далекого прибоя
Резвился с эхом среди пустых равнин.
А жизнь моя была тогда тобою,
Ты у кровати. Солнце. Некторин,
Который ты любила, помнишь, помнишь ?...
Как крик арабов заглушал твой смех.
А я боялся, что ты вдруг прогонишь,
Всю эту сказку, - странный человек.

И еще у меня для тебя есть добрая весть. Я хотел тебе рассказать... Но вы вчера были так заняты вечером. У девчонок неприятности ?

ИРА: Как я рада... Милый мой, СПАСИБО тебе. Вот уж не думала, что ты можешь написать такие чудесные стихи. Ты словно помолодел на те тридцать лет, которые мы вместе... И снова мы в Марокко, и снова наш малыш и мы, и наш медовый месяц. Девчонки ? Нет, я думаю, у них всё теперь будет хорошо. Уверена, но их надо постоянно поддерживать, подсказывать, утешать. Силы-то у них на исходе. В итоге, конечно, у них всё будет как надо. Всё будет хорошо. Хотя так хорошо как мне сейчас, может ли быть ?

ЦЕЗАРЬ: Ты плачешь ? Я хотел тебе сказать, милая моя, что мы можем снова туда поехать, где нам было хорошо. Я давно не говорил тебе, что я тебя люблю ?

ИРА: Неужели можно вернуться туда, где было счастье. Ведь это было так давно. Чудес не бывает.

ЦЕЗАРЬ: Через три месяца, такое решение уже принято - я еду работать в Египет. Это ведь тоже северная Африка, правда ? Там такая красота, пыльные века встают из пустыни седыми древностями, волшебство усталой цивилизации окутывает фиолетовым дымом сон величавых пирамид. Там тепло, ты ведь так любишь тепло. А Красное море - мирное, почти без волн, где можно ловить руками зеленых рыб и оранжевых крабов. И ароматные рощи с гигантскими мандаринами. Словно и не было всех этих лет. Мы там снова будем вдвоем.

ИРА: Я люблю тебя. Ты волшебник. Добрый волшебник. Поедем... Но девчонки... Как я брошу их в беде ? Я же должна буду им звонить каждый день. Я буду молиться за них постоянно. Только бы и у них было всё хорошо. Им-то кто поможет кроме меня ? Только Небо. Только Бог.

ЦЕЗАРЬ: Бог – это любовь. Любовь им поможет. Их, их любимых, твоя, наша.

ИРА: Правда, ты согласен со мной, милый мой ? Нам ведь так хорошо вместе. Но если мы счастливы, мы должны сделать счастливыми и тех, кого мы любим... Иначе и мы сами счастья не стоим. Сестренкам моим я могу помочь только советом. Хотелось бы делом, но как... Может быть, ты придумаешь ?... Что это за звук ?

Цезарь молча улыбается. Вбегает Клеопатра, роется в своей сумке.

КЛЕОПАТРА: Чего всполошились-то ? У вас такой вид, как будто я вас застукала целующимися на последней парте. Выглядите точно как новобрачные. Аж дух захватывает. Куда это мой мобильный запропастился. В этой сумке найти что-либо труднее, чем в наволочке... И кому пришло в голову работать для меня будильником в 6 утра... Ой, господи... "У меня сегодня день рождения, ты не забыла ? Если хочешь меня поздравить, позвони мне на мобильный... Жду. А." Ирочка, это он... Что мне делать ?

ИРА: Звони, милая моя, звони ! Забудь обо всём и обо всех, беги, это же он, твой долгожданный первый гонец из Рима...

Клеопатра убегает. В передней части сцены появляется Хармиона, она с помойным ведром, в резиновых сапогах, с зонтом. Подходит к краю сцены. По проходу навстречу ей идет Руфио. Хармиона видит его и роняет ведро. Он подходит к ней. Их глаза и руки встречаются. Хармиона роняет еще и зонт.

ХАРМИОНА: Господи, я не сплю... Это ты ? Откуда ты ? Где ты пропал так долго...

РУФИО: Но я же пришел. За тобой. И я тебя люблю.

ХАРМИОНА: Да осветятся небеса предвечным светом.

БОГ - ЭТО ЛЮБОВЬ.

Но как же мои девчонки ?...

Взявшись за руки, в лучах прожектора Хармиона и Руфио подходят ближе к Цезарю и Ире и останавливаются там. Они в лучах своего счастья. Все четверо стоят молча. На передней части сцены появляется Клеопатра. В ее руках - мобильный. Она судорожно набирает номер. С боковой части сцены к ней медленно подходит Антоний, разговаривая с ней по телефону, он смотрит на нее, она - на него.

КЛЕОПАТРА: Здравствуй... Я хотела поздравить тебя с днем рождения. Как ты ?

АНТОНИЙ: Ну, вот. Я рад, что ты позвонила. Как хорошо услышать твой голос. Спасибо тебе, это такой подарок. Может быть, заедешь ко мне в контору ? Будет маленький банкет. Там все твои знакомые. Я бы очень хотел с тобой повидаться.

КЛЕОПАТРА: А кто там у тебя будет ?...

АНТОНИЙ: Вот ты о чем. Не волнуйся. Её не будет. Вернее, она может зайти, но по сути её давно нет.

КЛЕОПАТРА: Я приеду.

АНТОНИЙ (после паузы, убирая радио телефон, он уже стоит рядом с Клеопатрой) :
Как ты живешь, как твой муж ?

КЛЕОПАТРА: Спасибо, всё нормально. Он рад, что я к нему вернулась, я рада, что он меня принял.

АНТОНИЙ: У тебя дрожит голос... Ты простыла, что ли ?

КЛЕОПАТРА: Просто устала после бессонной ночи.

АНТОНИЙ: Да, я понимаю... Наверное, вы счастливы ?

КЛЕОПАТРА: Он - однолюб. В отличие... У него нет и не было ни первой любви, ни последней. Она у него - единственная. Он меня любит. Всё остальное меркнет перед этим его достоинством.

АНТОНИЙ: Тебе виднее. Но я не забыл тебя...

КЛЕОПАТРА: Неужели ?

АНТОНИЙ: Это не в моих силах. Я по-прежнему люблю тебя...

КЛЕОПАТРА: Что-что ? Не слышно, повтори громче ! Тут такой шум.

АНТОНИЙ: Я люблю тебя !!! Я не могу жить без тебя...

КЛЕОПАТРА: Это так неожиданно. Докажи.

АНТОНИЙ: Как доказать? Спрыгнуть с Останкинской башни?

КЛЕОПАТРА: Если для тебя нет другого выхода – прыгай. Хотя я бы предпочла без насилия над кем-либо. У меня всё есть, это ты постоянно чего-то ищешь. Сам пока не знаешь, чего. А может быть, просто стоит жить?

АНТОНИЙ: Опять ты врешь. Это ошибочные решения принимаются легко и сразу. Правильные – всегда с трудом. Но от судьбы, видно, не уйдешь. Как и от тебя.

КЛЕОПАТРА: Да чего ты напрягся-то ? Я еще раз повторяю, мне от тебя ничего не нужно. У меня всё есть.

АНТОНИЙ: Ты любишь своего мужа ? Ну, чего ты молчишь ? Боишься сказать правду ? Всё поправимо. Только не молчи.

Клеопатра и Антоний уже стоят лицом к лицу. По нарастающей звучит "Мой путь" Френка Синатры.

КЛЕОПАТРА: НЕТ. Не люблю. А что это меняет. Ты ведь тоже... не любишь. Но...

АНТОНИЙ: А меня ? Меняет. И многое. Говори, ну!

Долгая пауза.

КЛЕОПАТРА: Да...

Антоний заключает Клеопатру в объятия. Она пытается вырваться, но - бесполезно. Когда они отрываются друг от друга после продолжительного поцелуя, в центре сцены стоят Цезарь и Ира, слева Руфио и Хармиона под зонтом.

КЛЕОПАТРА: И что это изменило?

АНТОНИЙ: Жизнь. Разве этого мало? Жизни без любви не бывает. Бог – это любовь.

КЛЕОПАТРА: Так значит я... А ты?...

АНТОНИЙ: Мы. Запомни. Теперь говори – мы.

Клеопатра и Антоний, улыбаясь друг другу, взявшись за руки, подходят к краю сцены.

ХАРМИОНА: Минуточку, а дальше что ?

ЦЕЗАРЬ: Что дальше ? То, что мы заслужили: шесть веков счастья...

ЗАНАВЕС.

Москва – октябрь 2010

**© Регина Лукашина - автор.
Все права защищены. All rights reserved**